

«КТО ВО ХРИСТЕ,
ТОТ НОВАЯ ТВАРЬ»

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА
ОБЩЕНИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ

Римини 2011

**«КТО ВО ХРИСТЕ,
ТОТ НОВАЯ ТВАРЬ»**

**УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА
ОБЩЕНИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ**

Римини 2011

© 2011 Fraternità di Comunione e Liberazione

Перевод с итальянского: Надежда Петухова, Екатерина Цыганкова

Редакторы: Татьяна Коробейникова, Елена Фьерамонти

На обложке: «Призвание Закхей» (деталь). Капуа, базилика Sant'Angelo in Formis.

Изображение любезно предоставлено ректором базилики.

Ватикан, 29 апреля 2011 года

Его Преподобию
отцу Хулиану Каррону
Президенту Братства «Общение и Освобождение»

По случаю Духовных упражнений Братства Движения «Общение и Освобождение» на тему «Кто во Христе, тот новая тварь» Папа обращает к участникам сердечное приветствие и надеется, что провиденциальная встреча вызовет обновленный миссионерский пыл в служении Евангелию. Он испрашивает обильного излияния небесных милостей и посылает Вам и всем собравшимся молитвенное апостольское благословение.

Кардинал Тарчизио Бертоне, Государственный секретарь
Его Святейшества».

Пятница 29 апреля, вечер

При входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт, Концерт для фортепиано п. 27 си-бемоль мажор, К 595

András Schiff, фортепиано

Sándor Végh - Camerata Academica Salzburg, Decca

■ ВВЕДЕНИЕ

Хулиан Каррон

Полагаю, в начале наших Упражнений ни у кого нет большей необходимости, чем в мольбе, в просьбе об обращении. Каждый из нас прекрасно знает, как он сопротивляется этому обращению, как часто наше сердце становится черствым, насколько мы закрыты тому, чтобы полностью позволить Ему привлечь нас. Чем больше мы осознаем это – войну, куда мы втянуты, и нашу хрупкость и слабость – тем сильнее чувствуем безотлагательность просьбы к Святому Духу, чтобы Он омыл нечистое, оросил иссохшее и исцелил болящее.

Приди, Дух Святой

Приветствую каждого из присутствующих здесь, и всех друзей из других стран, которые смотрят нас по спутниковой связи, и тех, кто будет проводить Упражнения отдельно в последующие недели.

Начну с телеграммы, присланной Его Святейшеством:

«По случаю Духовных упражнений Братства Движения “Общение и Освобождение” на тему “Кто во Христе, тот новая тварь” Папа обращает к участникам сердечное приветствие и надеется, что провиденциальная встреча вызовет обновленный миссионерский пыл в служении Евангелию. Он испрашивает обильного излияния небесных милостей и посылает Вам и всем собравшимся молитвенное апостольское благословение. Кардинал Тарчизио Бертоне, Государственный секретарь Его Святейшества».

«Кто во Христе, тот новая тварь»,¹ потому что Христос – это нечто, что происходит со мной сейчас. Попробуем представить себе апостолов после Пасхи. Что преобладало в их сердцах, в их взгляде, в осознании самих себя,

¹ 2Кор 5,17.

как не Его живое присутствие? Для них оно было настолько очевидным, что они не могли отделаться от него, это было Присутствие, побеждающее любое сомнение, любую тень. Для них Христос был чем-то, что происходило с ними. Не доктрина, не список дел, не чувство. Это было внешнее присутствие, но оно заполняло их жизнь. Воскресение Христа, Его живое присутствие привносило новизну, которая наконец-то делала из жизни жизнь, наполняя ее такой насыщенностью, которую они сами не могли создать. Это было так очевидно, что они назвали ее «новой жизнью».² А кто ею жил? Новое творение, новая тварь. Эта новая жизнь – а мы можем просто сказать: жизнь в своем самом полном смысле, который впервые открывается во всей своей силе – настолько определяла их личности, что христиан называли «живыми».³ Какой опыт получили они, и какой опыт, глядя на них, замечали другие, чтобы определить их как «живых»? Христос навсегда ввел в реальность именно это: возможность проживать жизнь на абсолютно неизвестном ранее уровне, «больше», и святой Павел не нашел иного способа полнее выразить этот факт, чем фразой, выбранной темой наших Упражнений: «Кто во Христе, тот новая тварь».

Эту новизну приносит воскресение Христа. Это не возврат к прежней старой жизни; это жизнь, заключающая в себе скачок, это ранее невиданный рост жизни. Это настолько реально, но в то же время так явно выходит за рамки любого представления, что единственное, что можно делать, – свидетельствовать об этом, передавать его через сияние лица, через напряженность взгляда, через отношение с реальностью, в способе отношения ко всему. Это не то, что ранее было изучено и затем применено: раньше этого не знали, поэтому было бы невозможно пытаться применить то, что не было известно. Это было неожиданностью, об этом начали узнавать, потому что Христос заставлял это происходить: это было Событием, позволившим узнать новизну. «И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его».⁴ Именно Он постоянно порождал эту новизну: «Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?».⁵ Это было что-то, – Христос, воскресший Христос – так происходившее в них, что их сердце начинало гореть!

Отец Джуссани говорит: «В Тайне воскресения содержится вершина и предел полноты нашего христианского самосознания, а поэтому и моего нового сознания о себе самом, и того, как я смотрю на людей и

² Рим 6,4.

³ Рим 6,11.

⁴ Лк 24,30-31.

⁵ Лк 24,32.

вещи; в воскресении кроется краеугольный камень новизны моего отношения с самим собой, с людьми, с вещами. Но это то, что мы больше всего отвергаем. Это то, что мы, пусть даже с уважением, более всего остального откладываем в сторону, уважительно откладываем в сторону в силу сухости слова, постигаемого умом, постигаемого как идея, именно потому, что это вершина вызова, брошенного нашей мере Тайной». ⁶ Кто из нас не пожелал бы такой интенсивности жизни? Но если сравнить то, что прожили в ту страстную неделю апостолы, и то, что прожили мы, то увидим отдаление, целую пропасть, отделяющую нас от опыта, полученного ими. То же самое можно сказать по поводу присутствия на Литургии: для них это стало моментом Его узнавания (открылись у них глаза, и они узнали Его), для нас же она часто сведена к обряду.

Но это отдаление, что есть в нас, – эта вызванная им боль – побеждено в апостолах: и в этом надежда для каждого из нас. То, что мы ожидаем, – это уже свершившийся в них факт, это уже случилось в истории. Эта новизна уже стала опытом в человеке, в некоторых людях и может стать и нашей, если мы позволим порождать себя через увлекший нас способ – через харизму. Чтобы это произошло, мы должны продолжать путь, указанный отцом Джуссани. Чтобы христианство стало настолько «нашим», что мы могли бы преодолеть расстояние, отделяющее нас от опыта апостолов, и жизнь наполнилась бы новизной, побеждающей любую черствость, необходимо продолжать путь, по которому мы уже идем и целесообразность которого мы еще раз напомнили 26 января на презентации *Религиозного чувства*.

На проблему, в которой мы увязли, явно указывает вопрос, так часто и разнообразно проявляющийся и становящийся еще более острым в работе над Школой общины: почему мы настаиваем на том, что Христос пришел, чтобы разбудить и воспитать нас к религиозному чувству, что природа христианского опыта видна из того, что Он способен вызвать в нашем «я» чувство тайны, человеческий вопрос? Не проще ли было бы говорить о Христе без этого упора на пробуждении «я», на настойчивости в вопросе «а что же мы обнаруживали в себе?» И вы часто повторяете мне: «Куда ты хочешь нас привести? Не усложнение ли это пути, предлагаемого нам отцом Джуссани?»

Мне кажется, сегодня я слышу то же возражение, что выдвигал отцу Джуссани один студент. Об этом рассказывает сам Джуссани: «Сейчас люди больше не понимают, в чем состоит соответствие между христианским предложением в его самобытности, между христианским собы-

⁶ L. Giussani, *La familiarità con Cristo*, San Paolo, Cinisello Balsamo (Mi) 2008, pp. 71-72.

тием и каждодневной жизнью. И когда я стараюсь, и когда вы стараетесь заставить это понять: “Какой ты сложный, какой сложный!” Когда в лицее я преподавал то, что вы читаете на Школе общины, у меня в классе учился сын Манцу, у него был священник, к которому он часто ходил. Этот священник подстрекал его против того, что читал в моих лекциях, и говорил: “Видишь? Это усложняет, а религия проста”. Иначе говоря: “доводы усложняют”, – и сколько других еще так сказали бы! “Поиск доводов усложняет”. На самом же деле он просвещает! При такой постановке Христос больше не авторитет, а объект чувств, и Бог – это пугало, а не друг».⁷

Отец Джуссани прекрасно знал, куда вел такой внешне менее сложный способ проживания веры. Он описывает его так: «Ситуация казалась идеальной для распространения теоретического и этического содержания католической веры: успешно действующие приходы предлагают курсы катехизации “для всех уровней”; изучение религии обязательно для школ всех ступеней, включая лицеи; традиция, по крайней мере формально, сохраняется через семейное воспитание; люди еще испытывают определенную неловкость, сталкиваясь с безудержными нападками на Церковь или с антирелигиозной пропагандой; процент посещающих воскресные Мессы велик. [Хотя сейчас, через 60 лет, все уже сильно изменилось...] А первый же контакт с лицейской молодежью выявлял три обстоятельства, поражавшие заинтересованного наблюдателя. Прежде всего – отсутствие конечной мотивировки веры (...). Во-вторых, то, что вера по определению не влияет на социальное поведение, в целом, и в школьной среде, в частности. И, наконец, общая атмосфера, определенно порождавшая скептицизм».⁸

Именно поэтому прав еврейский мыслитель Хешель: «В привычку вошло винить в закате религии в современном обществе светскую науку и антирелигиозную философию, но было бы честнее винить саму религию в ее поражениях. Религия отошла на второй план не потому, что ее опровергли, но потому, что она лишилась значимости, она скучна, угнетающая и невыразительна».⁹ Эта незначительность, эта невыразительность веры может проявляться и в ситуации, описанной ранее отцом Джуссани, когда религиозность была повсеместной, или в той ситуации, как ее представлял Ницше, где религия широко распространялась, но была неспособной пробудить «я». «Ницше много ранее предостерег нас, что *смерть*

⁷ L. Giussani, «*Tu*» (*o dell'amicizia*), Bur, Milano 1997, pp. 40-41.

⁸ Л. Джуссани, *Рискованное дело воспитания*, «Христианская Россия», Москва, 2005, стр. 47-48.

⁹ A.J. Heschel, *Crescere in saggezza*, Gribaudi, Milano 2001, p. 157.

Бога прекрасно совместима с “буржуазной религиозностью”. [...] Он ни на минуту не верил, что религия закончилась. Он ставил под сомнение способность религии приводить человека в движение [т.е. пробуждать “я”] и открывать его разум. [...] Религия стала продуктом потребления, формой времяпрепровождения среди многих, источником утешения для слабых [...] или станцией эмоционального обслуживания, предназначенной удовлетворять неразумные нужды, которые она способна удовлетворить лучше любой другой вещи. Как бы ни однобоко это звучало, но диагноз Ницше попадал в самую точку».¹⁰

Христианство, неспособное приводить человека в движение, вызывать человечность, привело к потере интереса к себе же самому, христианство теряет значимость. Во многих случаях не было никакого бунта против христианского предложения, в большинстве случаев христианство просто потеряло интерес, стало незначительным. Это доказывает, что пробуждение «я», религиозное чувство – это не то, что необходимо лишь до веры, а нечто решающее в каждый момент. Это ее истинная проверка, а без такой проверки можем ли мы думать, что будем действовать иначе, чем все? Или станем, как все? Не потеряем ли и мы интерес к христианскому предложению, если не будем идти по пути, предлагаемому нам отцом Джуссани?

Поэтому, друзья, в одной по-настоящему синтетичной фразе он говорит о брошенном нам вызове: «Я стал глубоко убежден в том, что вера, которая не могла быть обнаружена и обретена в опыте настоящего, подтверждена этим настоящим, не могла быть полезной в ответах на его потребности, эта вера не была способна противостоять в том мире, в котором все, *все*, противоречит ей».¹¹ В этом принципиальный вопрос: необходимость разобраться в опыте, который может выстоять. Поэтому в только что процитированной фразе отец Джуссани дает нам тройной ключ, позволяющий понять, идем ли мы по правильному пути: является ли вера опытом настоящего (не рассказом о фактах, к которому затем каждый что-то добавляет), опытом с суждением, не повторением формул, или фраз, или комментариев; находит ли вера подтверждение собственной пользы для жизни в опыте настоящего, в самом опыте (иначе нам всегда будет необходима дополнительная уверенность за пределами этого опыта); способна ли вера противостоять миру, где все, все противоречит ей.

Только отдавая себе отчет, в чем состоит борьба, в которую мы втянуты, можно серьезно относиться к прodelываемой работе и понимать

¹⁰ L. Giussani, «*Tu*» (*o dell'amicizia*), Bur, Milano 1997, pp. 40-41.

¹¹ Л. Джуссани, *Рискованное дело воспитания*, «Христианская Россия», Москва, 2005, стр. 47-48.

причины, почему Джуссани сделал то, что сделал. Вся разумность веры здесь: в ее возможности возвеличивать человечность, чтобы уловить соответствие веры потребностям жизни. Христианство и человек разделяют единую судьбу!

Этот присутствующий в вере опыт имеет решающее значение, чтобы новизна, внесенная Крещением в историю и нашу жизнь, могла остаться в нас как сознание, как недавно напомнил нам Папа на Мессе Елеев: «Святой Петр, в своей великой проповеди на Крещение, применил эту привилегию и эту обязанность ко всей общине крещеных, провозгласив: “Вы (же) – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий” (1Петр 2,9). Через Крещение и Миропомазание мы входим в этот народ Божий, который охватывает весь мир; помазание в Крещении и в Миропомазании вводит в это священническое служение для человечества. Христиане являются священническим народом для мира. Христиане должны сделать зримым для мира живого Бога, свидетельствовать о Нем и вести к Нему. Когда мы говорим об этой нашей общей миссии как крещеных, то мы делаем это не для того, чтобы гордиться. Это вопрос, который одновременно радует нас и беспокоит: действительно ли мы являемся святилищем Бога в мире и для мира? Открываем ли мы людям доступ к Богу или, наоборот, закрываем? Не стали ли мы – народ Божий – в большинстве своем народом неверующих, далеких от Бога? Разве неправда, что Запад, исконно христианские страны устали от своей веры и, пресытившись своей историей и культурой, не желают больше знать веры в Иисуса Христа? У нас есть все основания кричать в этот час Богу: “Не позволяй, чтобы мы стали не-народом! Помоги, чтобы мы признали Тебя вновь! Ведь Ты помазал нас Своею любовью, положил Святого Духа на нас. Помоги, чтобы Дух Твой снова действовал в нас, дабы мы с радостью свидетельствовали о Твоей вести!”. Несмотря на весь стыд за наши ошибки, не будем, однако, забывать о том, что и сегодня есть светлые примеры веры; что и сегодня есть люди, которые через свою веру и любовь дают надежду миру. Когда вскоре, 1 мая, будет причислен к лику блаженных Папа Иоанн Павел II, полные благодарности, мы будем думать о нем, как о великом свидетеле Бога и Иисуса Христа в наше время, как о человеке, исполненном Святого Духа».¹²

Блаженный Иоанн Павел II – это исключительный свидетель, помогающий прожить эти дни, он показывает нам возможность быть христиана-

¹² Бенедикт XVI, *Святая Месса Елеев*, 21 апреля 2011 г.

ми сегодня. У нас есть очевидные причины особенно близко почувствовать беатификацию этого человека из-за связавшей нас с ним истории, чтобы мы сумели ответить тому, что он нам поручил: «Когда какое-либо движение признается Церковью, оно становится избранным инструментом для личного и всегда нового прирастания к тайне Христа. Никогда не позволяйте, чтобы в вашем участии поселился “червь” привычки, “рутины”, старости [т.е. противоположность новой жизни]! Постоянно обновляйте открытые привлекшей вас харизмы, и она все с большей силой будет вести вас к служению единственной власти, Христу Господу!».¹³ Как не почувствовать такой призыв особенно живо в этот момент, совпадающий с его беатификацией? Кто не воспринимает эти слова как особо неотложный призыв к обращению? Мы можем полноценно ответить на это задание, только если будем продолжать следование за привлекшей нас харизмой, что мы и попытаемся сделать во время этих Упражнений.

Попросим у Иоанна Павла II и у отца Джуссани в начале этого жеста сделать нас открытыми к благодати Христа, который продолжает идти нам навстречу, чтобы мы, как и они, смогли стать свидетелями.

Как я всегда вам говорю: жест такого размаха невозможен без вклада и жертвы каждого из вас во внимании к объявлениям, к молчанию и указаниям. Все это вид нашей просьбы ко Христу, чтобы Он сжалился над нашим ничтожеством, чтобы мы не становились не-народом. Потому что в этом борьба, друзья мои, это не попытка уладить что-либо. Риск состоит в том, что мы потеряем интерес, станем не-народом, как и многие окружающие. Мы все осознаем потребность в молчании, позволяющем всему сказанному проникнуть в нас до самого основания, чтобы превратить молчание в крик, в просьбу ко Христу, чтобы Он помиловал нас, сжалился над нашим ничтожеством.

¹³ Иоанн Павел II, *Обращение к священникам Движения «Общение и Освобождение»*, 12 сентября 1985 г.

СВЯТАЯ МЕССА

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО

«Это уже в третий раз явился Иисус ученикам Своим» (Ин 21,14). Его физическое, реальное присутствие, эта новая жизнь практически день за днем проникала в жизнь апостолов, но в тот вечер они были печальны, та ночь не принесла плода. Петр думал, что сможет начать отношения с Ним, с новым присутствием Господа, основываясь на том, что он уже знал, что он умел: «Иду ловить рыбу». Ничего не происходит, абсолютная бесплодность.

Только инициатива Христа, только реальное событие новизны Его присутствия вновь раскрывает всю нашу человечность. Но есть одна деталь: не наши образы, не то, что нам уже известно, даже не богатство в виде долгих лет, проведенных вместе с Ним в Движении, а Он, Христос, захватывает нас. Христос захватывает Петра и всех остальных через того, кто до самого конца проживает драму своей человечности, кто внимательнее других: Иоанн первым заметил Его присутствие. Его крик разрывает нашу сонливость, нашу самонадеянность, нашу рассеянность: «Это Господь!». Для нас отец Джуссани, харизма – это конкретная возможность снова быть захваченными, быть захваченными сейчас, потому что чей-то голос кричит над морем, морем Тивериадским или морем Римини – нет никакой разницы, это одно и то же, чье-то лицо, чья-то рука указывает нам на это Присутствие, захватывающее нас одного за другим: «Это Господь!».

Попросим у Богородицы о благодати для каждого из нас, чтобы мы не уснули и чтобы не оказывали сопротивления.

Суббота 30 апреля, утро

При входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт, Концерт для фортепиано п. 23 ля мажор, KV488

Wilhelm Kempff, фортепиано

Ferdinand Leitner - Bamberger Symphoniker, Decca

Отец Пино. Кто во Христе, тот новая тварь, потому что Христос – это то, Что происходит со мной сейчас.

Ангелус

Утренняя молитва

■ ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хулиан Каррон

«Вечная тайна нашего бытия»

Если бы мы спросили у Богородицы, как она начала воспринимать себя, будучи вовлеченной в действие после возвещения ангела, она использовала бы слова, похожие на то, что говорил отец Джуссани: «Вся личность Богородицы берет начало из момента, когда ей было сказано “Радуйся, Мария”, т.е. когда она восприняла этот знак, этот призыв. С момента возвещения она заняла свое место во вселенной и перед вечностью. В ее жизни появился совершенно новый источник нравственности. Зародилось глубокое, таинственное чувство самой себя: почитания себя, чувство величия, равное только чувству своего ничтожества, о котором она никогда прежде так не задумывалась».¹⁴

Кто из нас не хотел бы проживать жизнь, полностью подчиненную этому столь глубокому и таинственному чувству себя, этому чувству величия, тем более что мы прекрасно осознаем собственное ничтожество? А если бы мы задали тот же самый вопрос Андрею после встречи со Христом, то он мог бы посмотреть на реакцию своей жены и детей, чтобы почувствовать то, что с ним происходило и наполняло молчанием по пути домой. «И когда вечером, на закате дня, они возвратились, скорее всего,

¹⁴ L. Giussani, *Tutta la terra desidera il Tuo volto*, San Paolo, Cinisello Balsamo (Mi) 2000, pp. 146-147.

пройдя путь молча, потому что никогда раньше не говорили друг с другом так, как в этом великом молчании, в котором говорил Другой, в котором Он продолжал говорить, и в них раздавался отзвук Его слов. Они пришли домой, и жена Андрея, глядя на него, спросила: “Что с тобой, Андрей? Что с тобой?”. И дети с удивлением смотрели на отца: это был он, да, он, но он был “больше” самим собой, он был другим. Это был он, но он был другим. И когда – как мы уже однажды сказали, “взволнованные”, используя образ, который легко понять в силу его реалистичности, – она спросила: “Что случилось?”, он обнял ее. Андрей обнял свою жену и поцеловал детей: это был он, но никогда прежде он так ее не обнимал! Это было словно заря, рассвет или предрассветные сумерки иной человечности, новой человечности, более истинной человечности. Он будто бы сказал: “Наконец-то!”, не веря собственным глазам. Но все это было слишком очевидным, чтобы не верить собственным глазам!»¹⁵

Какая человеческая насыщенность! Кто не хотел бы почувствовать всю вибрацию такой новой человечности, чтобы так обнять свою жену? И какой жене не хотелось бы, чтобы ее так обняли? Не разговоры, а такое объятие! Не повторяющий правильные речи муж, а человек, позволяющий ей пережить то, что он говорит таким объятием. Какой сын не хотел бы смотреть на отца, когда, согласно нормальной логике жизни, все уже начинает ослабевать, и с удивлением говорить: «Это он, но сейчас он больше является самим собой, чем в молодости».

Но кто-то подумает, что Богородица и Андрей могли почувствовать другой мир в этом мире потому, что это было в первый раз. Потом с ними случилось бы то же, что и со всеми, они начали бы мыслить обывательски. Как будто этим подтверждается наш скептицизм: было так, но потом все исчезает. Мы все, все видели собственными глазами, что это не происходит таким образом! Кто не помнит внушительность свидетельства отца Джуссани на площади Святого Петра под конец его жизни? «Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» Ни один вопрос в жизни не поразил меня так, как этот. Был только один человек в мире, который мог мне ответить, задав новый вопрос: “Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?”. Ни один вопрос не потряс меня так, – чтобы перехватило дыхание – как этот вопрос Христа! Ни одна женщина не слышала другого голоса, который говорил бы о ее сыне с такой неподдельной нежностью и безусловным уважением к плоду чрева ее, с такой абсолютно позитивной оценкой его судьбы, – только голос еврея Иисуса из

¹⁵ Л. Джуссани, *Рискованное дело воспитания*, цит., стр. 24-25.

Назарета. Но более того, ни один человек не мог слышать утверждения его самого как абсолютной ценности, вне зависимости от его успехов. Никто в мире не мог говорить так. Только Христос принял в Свое сердце всю мою человеческую сущность. Этому изумлялся Дионисий Ареопагит (V век): “Кто может сказать о человеколюбии Христа миротворящего?” Я повторяю эти слова вот уже более пятидесяти лет!».¹⁶

Каждый может сравнить с собой: свой человеческий опыт и то, о чем свидетельствуют эти мужчины и женщины. Не для того чтобы в энный раз почувствовать это как осуждение, что мы не на высоте из-за нашей обычной тенденции сводить все к моралистическим терминам, но чтобы осознать, что мы теряем. Мы теряем эту интенсивность, эту вибрацию! И каждый из нас знает, что это так, мы ощущали это в определенные моменты жизни. Но как мы зачастую далеки от этих людей! Мы не живем с замиранием сердца перед Христом: какое умаление мы нередко находим в себе! Друзья, мы вместе, чтобы сопровождать друг друга, чтобы поддерживать друг друга, чтобы свидетельствовать друг другу, что со всеми нашими ограничениями (ограничения не при чем, прекратим это, они не при чем!) можно жить так!

И, прежде всего, в сопровождении незаменимой компании отца Джуссани нам нужно понять, почему мы так опустили.

1. Растерянность «я»

«В наши дни со словом “я” возникает большая путаница, хотя понимание того, что такое “я как субъект” есть вещь первостепенной важности. Ведь мой субъект находится в центре, в корне каждого моего действия (мысль – тоже действие). Действие – это движение, в ходе которого я вступаю в отношения с любой личностью или предметом. Если я пренебрегаю собственным “я”, отношения с жизнью не могут стать моими, сама жизнь (небо, женщина, друг, музыка) не может стать моей. [...] Само понятие “я” для огромного большинства людей означает нечто смутное и зыбкое, понятие, которое используется для удобства как имеющее чисто указательное наполнение (наподобие “бутылки” или “стакана”). Но за этим словечком не бьется больше ничего, что ясно и определенно показывало бы, какую идею, какое представление имеет человек о ценности собственного “я”. Поэтому можно сказать, что мы живем в такие времена, когда кажется, будто цивилизация подходит к концу: ведь цивилизации развивается в той

¹⁶ L. Giussani, «Nella semplicità del mio cuore lietamente ti ho dato tutto» (Л. Джуссани, «В простоте моего сердца я с радостью отдал Тебе все») in L. Giussani – S. Alberto – J. Prades, *Generare tracce nella storia del mondo*, Rizzoli, Milano 1998, pp. III-IV.

мере, в какой она благоприятствует проявлению и прояснению ценности единственного “я”. А наше время, напротив, способствует большой путанице относительно смысла слова “я”». ¹⁷

Это то, о чем говорит Рот – приведем один пример из массы возможных – в отрывке из своего недавнего романа «Контржизнь»: «Все, что я могу сказать с уверенностью, – то, что у меня, например, нет собственного “я” и что я не хочу и не могу покориться буффонаде этого некоего “я”. То, что есть во мне вместо “я”, – это разнообразие интерпретаций, где я могу воспроизвести себя самого, и это не только интерпретация себя: целая труппа актеров, которую я создал, надежная компания, к которой я могу обратиться, когда мне нужно одно “я”, складской запас в постоянной эволюции сценариев и ролей, формирующих мой репертуар. А, без сомнения, у меня нет “я”, независимого от моих обманчивых художественных попыток получить его хотя бы в одном экземпляре. Да я бы и не хотел этого. Я только театр и ничего кроме театра». ¹⁸

Опыт, не отвечающий этому распространенному образу мышления, будет побежден, даже если мы станем постоянно участвовать в собраниях или начинать новые инициативы! Это закат человечности, как говорит Хешель: «Неспособность понять собственную ценность... – это уже само по себе ужасное наказание», ¹⁹ за которое мы каждодневно расплачиваемся собственной шкурой.

Но как это произошло? «В начале любого серьезного исследования, посвященного формированию себя самого как субъекта, следует сказать, что та сумятица, которая царит сегодня под тонким покровом (почти *flatus vocis*, “еле слышным шепотом”) нашего “я”, происходит отчасти под влиянием обстоятельств, внеположных нашей личности. Нужно не упускать из виду решающего влияния, которое оказывает на нас то, что Евангелие называет “миром” и что мешает формировать устойчивую, достойную и цельную человеческую личность. Со стороны окружающего мира на нас идет сильнейшее давление (через СМИ, а также через школу и политику), оно воздействует на нас и в конечном счете препятствует – как некий стереотип – любым попыткам осознания собственного “я”». ²⁰

Что такое это внешнее влияние, этот «мир»? Это власть, – как часто говорит нам отец Джуссани – которая не остается вне нас (как говорит о доминирующем мнении Бернанос: «Перед ним наши силы истощаются,

¹⁷ Л. Джуссани, *В поисках человеческого лица*, Милан–Москва, «Христианская Россия», 1997, стр. 4-5.

¹⁸ Ф. Рот, *Контржизнь*.

¹⁹ А. J. Heschel, *Chi è l'uomo?*, Se, Milano 2005, p. 43.

²⁰ Л. Джуссани, *В поисках человеческого лица*, цит., стр. 4.

нравы оскудевают, искренность теряет свою ясность»);²¹ но, наоборот, так глубоко проникает в нас, что мы становимся чужими сами себе. Если бы это было только внешним преследованием и осознание нашего «я» оставалось нетронутым. Если бы! Но «то, что нас окружает: доминирующий менталитет, вторгающаяся культура, власть создают отчужденность от нас самих, – отнимают у нас душу! – как будто больше не существует никакой реальной очевидности, кроме моды, потому что мода – это проект власти, до такой степени, что искажается чувство нас самих, чувство себя».²²

Еще послушаем отца Джуссани: «Общественный менталитет, создаваемый СМИ и всеми имеющимися у власти инструментами заговора, – которые умножаются с такой силой, что Иоанн Павел II был вынужден сказать, что главной опасностью проживаемой нами эпохи становится уничтожение человека властью – искажает чувство нас самих, чувство себя, точнее, вызывает атрофию религиозного чувства, сердца, а еще точнее, оно его полностью обезболивает (анестезия, которая может превратиться в кому, но это все же анестезия)».²³

Знак этого искажения чувства себя, этой отчужденности – последовательное прочтение наших потребностей. Поэтому отец Джуссани предупреждает нас: «Мы должны быть очень внимательными, потому что мы слишком легко исходим не из нашего истинного опыта, то есть не из опыта в его полноте и подлинности. Действительно, мы часто принимаем за опыт фрагментарные впечатления, сводя их к обрывкам, как это часто случается в сфере привязанности, во влюбленности или в мечтах о будущем. Еще чаще мы смешиваем опыт [который у нас на устах] с предрассудками или схемами, возможно неосознанно воспринятыми нами из среды [но он настолько совпадает, что нам кажется, что мы сами создали их. Вот до чего доходит влияние власти]. Поэтому, вместо того чтобы открыться в позиции ожидания, искреннего внимания, зависимости, которую подсказывает и требует глубинный опыт, мы навязываем опыту категории и объяснения, которые сковывают и ограничивают опыт, претендуя разрешить его. [Мы навязываем опыту схемы. Часто мы его видим: рассказываем факты, но потом они не несут в себе никакой ясности. Это лишь комментарии. К опыту применяются категории и объяснения, которые его блокируют и очерняют. Это означает, что опыта нет]. И это рождает в нас, – говорит отец Джуссани, – дикую и отвратительную самонадеянность, которая не привлекает во внимание даже наши истинные потребности, ей даже неведомо, что это такое; она отказывается рассматривать опыт непредубежденным взо-

²¹ G. Bernanos, *Un uomo solo*, La Locusta, Vicenza 1997, p. 41.

²² L. Giussani, *L'io rinasce in un incontro (1986-1987)*, Bur, Milano 2010, p. 182.

²³ *Ibidem*, pp. 364-365.

ром и принять человека со всеми его потребностями. Поэтому современная цивилизация заставляет нас вслепую двигаться между этой раздутой самоуверенностью и самым мрачным отчаянием».²⁴

Французский ученый Рей говорит: «Мы настолько привыкли к этому ничтожеству, что в большинстве случаев уже не замечаем его»,²⁵ мы им довольствуемся.

Но Джуссани нас предупреждает, что это влияние власти прямо пропорционально нашей немоци. Почему он так говорит? Потому что «ни одно из человеческих изобретений не может быть приписано исключительно внешним обстоятельствам, ведь свобода человека, даже если она ослаблена, остается неизгладимым признаком Божьего творения».²⁶ Первородный грех ослабил наше «я», но я остаюсь творением Бога, а не частью механизма обстоятельств власти. Это означает, что такое сильное влияние власти на нас происходит и из-за нашего попустительства. То, что может показаться еще одним обвинением, на самом деле становится для Джуссани источником нашего реванша. Человек не полностью побежден. Поэтому Джуссани пишет: «Мы говорим о власти не из-за того, что боимся, мы говорим о власти, чтобы пробудиться ото сна. Сила власти – это наша немощь. [...] Мы не боимся власти, мы боимся спящих людей, позволяющих власти делать из них то, что ей угодно. Власть, насколько возможно, старается всех усыпить. Ее великая система, великий метод состоит в том, чтобы усыплять, обезболить или еще хуже вызывать атрофию. Атрофию чего? Атрофию человеческого сердца, человеческих потребностей, желаний. Ее метод – навязывание образа желания или потребности, отличающихся от безмерного порыва сердца. И тогда растет число ограниченных, закрытых, пленных людей, уже наполовину трупов, т.е. бессильных людей».²⁷

Это та «сонливость учеников, которая в веках способствует власти зла»,²⁸ о которой говорит Папа в своей недавно вышедшей книге.

Но как мы можем знать, что власть не права? «Ты знаешь, что есть в сердце человека, потому что оно в тебе. И каков же критерий, чтобы понять истину о человеке (см. *Религиозное чувство*)? Это размышление о самих себе в действии [а не правильные речи!]. Другого способа нет».²⁹ Нет другого способа!

²⁴ Л. Джуссани, *Путь к истине является опытом*, Москва, «Христианская Россия», 2006, стр. 66.

²⁵ O. Rey, *Itinéraire de l'égarement*, Seuil, Paris 2003, p. 17.

²⁶ Л. Джуссани, *Зачем Церковь?*, Москва, «Христианская Россия», 2004, стр. 42

²⁷ L. Giussani, *L'io rinasce in un incontro* (1986-1987), op. cit.

²⁸ Benedetto XVI, *Gesù di Nazaret. Dall'ingresso in Gerusalemme fino alla risurrezione*, LEV, Città del Vaticano 2011, p. 172.

²⁹ L. Giussani, *L'io rinasce in un incontro* (1986-1987), op. cit., p. 365.

Но как нам напоминает Ханна Арендт: «К сожалению, кажется, что легче убедить людей вести себя в самой немыслимой и оскорбительной манере, нежели убедить их учиться из опыта, по-настоящему рассуждать и выносить суждение, а не применять заранее определенные категории и формулы из собственной головы».³⁰ Какую помощь мы могли бы оказать друг другу, если бы по-настоящему сопровождали друг друга в этом!

Мне пишет одна подруга: «Дорогой Хулиан, в прошлый четверг мы ужинали вместе с несколькими друзьями из нашей группы и с нашим ответственным. Мы старались еще раз вернуться к работе над четвертой главой *Религиозного чувства*. Мы рассказывали о произошедших за неделю фактах, которые нас особенно поразили как с положительной, так и отрицательной стороны и вызвали в нас определенное изумление, радость или боль. Однако Паоло увещевал нас искать в произошедшем “факторы, составляющие наше “я””, и не скатываться к уже “известным”, удобным ответам [меня утешает, что это происходит не только со мной]. Не стану скрывать, что это было крайне провокационной, а для меня еще и болезненной работой. Я осознала, что зачастую перед жизненными обстоятельствами весь крик и вся просьба о доброте, справедливости и красоте подавляются, и я имею склонность позволять им затухнуть. Моему подлинному крику, моему собственному. Не крику моей коллеги по работе, а моему. Не крику друзей из Движения, а моему. Мой абсолютно истинный крик дает мне почувствовать бесконечную несоизмеримость, эту нехватку, это ожидание. Это словно быть на виду, когда больше не можешь спрятаться за тем, что уже известно, или за спинами друзей, “которые ведь думают, как и я”. Есть ты и эта необъятная тайна, которая является твоим криком перед лицом обстоятельств, в обстоятельствах, о которых ты больше всего заботишься. Это захватывающий душу крик, и часто мне страшно находиться перед ним. Как ни парадоксально, но для этого мне понадобился друг. Я нуждалась в свидетельстве своего друга, который всем нам бросил вызов. Он был “один” против всех, и все же я никогда не чувствовала его настолько другом. Работа еще только началась».

Друзья, мы должны постоянно решать, следовать за отцом Джуссани или только намереваться следовать, чтобы потом использовать наши мысли, потому что, лишь видя себя в действии, как он нас учит, мы можем выявить все, чем мы являемся. В этой работе нам может помочь пятая глава *Религиозного чувства* (чтобы продолжать наш путь), где Джуссани описывает истинную природу «я», «я» неумаленного. Каждый может сравнить человеческую вибрацию или уплощение желаний, которое так часто мы

³⁰ H. Arendt, *Responsabilità e giudizio*, Einaudi, Torino 2004, p. 31.

видим в себе, что и является, согласно Джуссани, истоком «смятения молодежи и цинизма взрослых».³¹

2. «Вечная тайна нашего бытия»

«Нет ничего столь захватывающего, как узнавание истинных измерений собственного “я”, ничего столь поразительного, как узнавание собственного человеческого лица»,³² – также говорит нам отец Джуссани. Это увлекательное приключение, но, – как мы только что слышали – чтобы броситься в это приключение и победить отчуждение от самих себя, необходим кто-то, с кем можно смотреть на свою человечность, кто-то, кто не боится моей человечности. Как пишет своему другу эта девушка: «Сейчас мне очень нужно поговорить с тобой. Именно сейчас, когда те вопросы, которые я так долго, заперев, прятала внутри, наконец-то выплеснулись наружу. Наконец-то... Все сговорилось и действует против меня, все. Даже моя мать говорила мне: “Не волнуйся, твоя грусть пройдет” или “Не думай об этом”... Но она так и не прошла, и я никак не могла перестать думать об этом, поскольку эта необходимость в смысле не оставляет меня, стискивает раскаленными клешнями и неотступно, без передышки терзает меня ежедневно, ежеминутно. Все старались приручить меня, успокоить, избавить от страданий и сделать все менее невыносимым, укротить беспокойное сердце, которое вовсе и не собиралось перестать желать или просить большего. Потом появился ты. У меня никогда не было такого друга. Только ты не испугался и не возмутился перед моей болью и просьбой о бесконечности. Никто так не смотрел на меня. Мое сердце вибрировало, пульсировало, как никогда прежде. Во мне вдруг появилось горькое осознание того, что до этого момента никто никогда не смотрел на меня так, как я действительно того хотела. Все отодвигали мою неудобную потребность, разделяя со мной все, кроме самого необходимого. Но жизнь, которая не принимает во внимание мою человечность, мои самые глубокие личные просьбы, не является жизнью, но это и не смерть. Это лишь полный отчаяния плач. Я не могу отложить свой поиск смысла, иначе я задыхаюсь, не могу идти вперед; все становится однообразным, плоским, бесполезным, скучным и ужасно невыносимым. Встреча с тобой вызвала во мне требование по отношению ко всей моей жизни, постоянно, ежеминутно, и я уже не хочу жить ничем меньшим. Ты зажег во мне страсть, никогда прежде

³¹ Л. Джуссани, *Я, власть, дела*, Москва, «Христианская Россия», 2004.

³² Л. Джуссани, *В поисках человеческого лица*, цит., стр. 3-4.

неиспытанный вкус. Я нуждаюсь в том, чтобы рядом со мной были люди, находящиеся на той же высоте мысли, что доминирует и в моей жизни, с которыми я в любой момент могла бы обсудить то, что действительно ценно. Я хочу быть с тобой, потому что ты меня не умаляешь, не отрицаешь, не подавляешь, не утешаешь и не стараешься дать мне ответ, не пытаешься отвлечь меня или поднять мой дух. Ты разделяешь со мной ожидание, вопрос, благородство нашей боли, величие этого безграничного желания и создаваемую им несоизмеримость. Ты мне необходим, потому что заставляешь меня смотреть в лицо самой себе и находиться перед этой ужасной, но дорогой болью, перед этой ужасной, но дорогой мыслью, которые делают меня такой человеческой».

Подумаем о Самаритянке: взгляд того Человека раскрыл истинную природу ее «жажды»,³³ как это сделал друг для этой девушки. Поэтому «исходным пунктом исследования, подобного нашему, может быть только собственный опыт, мы-сами-в-действии [...], потому что религиозный фактор представляет собой природу нашего “я”, поскольку находит свое выражение в определенных вопросах: “Каков конечный смысл существования?”, “Зачем, в сущности, стоит жить?”».³⁴

Первая особенность этих вопросов в том, что они неискоренимы. «Эти вопросы возникают из глубины нашего бытия. Они *неискоренимы*, потому что составляют как бы ткань, из которой оно создано».³⁵ Хешель утверждает: «Несмотря на неудачи и неудовлетворенность, мы продолжаем быть одержимыми этим невыразимым вопросом и не можем смириться с идеей, что жизнь пуста и лишена смысла».³⁶ И как говорит Леопарди, несмотря на всеобщее крушение, вопрос остается «Стоишь огромной башней ты над пустынной пашней моей души – одна».³⁷ Эта доминирующая «ужасная, но милая»³⁸ мысль указывает на нечто, что не погрязает в описанном контрасте, что всплывает из всеобщего крушения; «бесконечная всеобщая суета»³⁹ не может изъять семя этой доминирующей мысли. Подумаем о блудном сыне: когда он осознал бесконечную суетность вещей, его человеческая потребность стала еще сильнее, чем раньше.

Поэтому вторая характеристика этих вопросов – то, что они неиссякаемы и содержат в себе требование тотальности. Этот аспект выражается

³³ Ин 4,15.

³⁴ Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, Москва, «Христианская Россия», 2004, стр. 51.

³⁵ Там же.

³⁶ А.Ж. Heschel, *Chi è l'uomo?*, op. cit., p. 71.

³⁷ Дж. Леопарди, «Неотвязная мысль», Пер. А. Ахматовой. *Избранные произведения*, Москва, 1989, стр. 116.

³⁸ Там же, стр. 96-97.

³⁹ Дж. Леопарди, «К самому себе».

входящими в них прилагательными и наречиями: «Каков *конечный* смысл жизни, в *конечном счете*, из чего состоит реальность? Ради чего мне *действительно* стоит существовать, стоит ли существовать миру? Это вопросы, которые исчерпывают энергию, всю “энергию поиска” разума. Это вопросы, требующие всеобъемлющего ответа». Но чем сильнее человек старается их отыскать, тем чаще мы слышим: “еще дальше”. “В яркую голубизну неба улетает морская птица; не остановится, нет, потому что на всех образах написано: “еще дальше”».⁴⁰ Признание этого становится светом на жизненном пути. Смотрите, что говорит отец Джуссани, комментируя отрывок из Монтале: «В действительности проблема состоит в том, чтобы не проживать отношения, как если бы они были “идолами”, как если бы они были отношениями с божественным; они – отношения со знаком, поэтому они не могут завершаться, они могут стать путем, дорогой, знаком, могут отсылать, как говорил Клементе Ребора в стихах, которые я цитировал в *Религиозном чувстве*: “Это не здесь, это не потому”. Все используемые тобой вещи говорят: “Это не здесь, это не потому”. И Монтале с точки зрения язычника, атеиста говорит: странным образом все вещи кричат, несут на себе надпись “еще дальше”. И тогда мы обращаемся с ними не так, как если бы они говорили “я есть все”, и это позволяет сильнее наслаждаться людьми и вещами, потому что, например, намного привлекательнее быть попутчиками, чем соучастниками временного наслаждения».⁴¹

Каждый может выбрать.

Поэтому человек, по-настоящему внимательный к опыту, не может не увидеть структурную несоизмеримость, составляющую наше «я», которую Леопарди так превосходно описал в этом тексте: «Невозможность найти удовлетворение ни в чем земном и даже, так сказать, в земле самой; смотреть на неизмеримую широту пространства, множество и удивительную громадность миров и понимать, что всего этого мало, все мелко по сравнению с широтой души; представлять себе бесконечное число миров, бесконечную вселенную и чувствовать, что наша душа, наше желание еще больше, чем эта вселенная; и постоянно обвинять все вещи в недостаточности и ничтожности, страдать от недостаточности и пустоты и, однако же, тоски, – все это кажется мне наибольшим знаком величия и благородства, отличающим человеческую природу».⁴²

Какое чувство величия! «Неисчерпаемость вопросов показывает со всей очевидностью противоречие между порывом потребности и ограниченностью поиска. Однако мы охотно читаем какой-либо текст, когда его

⁴⁰ Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, цит., стр. 53.

⁴¹ L. Giussani, *L'io rinasce in un incontro* (1986-1987), op. cit., p. 385.

⁴² G. Leopardi, *Poesie e prose*, Mondadori, Milano 1980, Vol. II, p. 321.

содержание захватывает нас напряженностью этих вопросов и драматичностью несоизмеримости». ⁴³ Нам больше всего не хватает этого неразрешимого противоречия, «тайны бытия извечной» ⁴⁴ по указанной ранее причине: влияние на нас власти при нашем попустительстве. Не то что не хватает Бога, недостает тайны нашего «я», тайны нашего существа! Поэтому мы не нуждаемся в Нем и ищем ответ там, где его ищут все.

Но когда человек начинает испытывать эту извечную тайну бытия, он начинает побеждать разрушающую жизнь растерянность и открывает в себе уникальную ясность суждения. Вот драматичный пример одного друга: «Дорогой Хулиан, хочу рассказать тебе факт, который переворачивает мою жизнь. Я пишу это после твоего призыва на последней Школе общины, когда ты, цитируя песню “Мое лицо”, сказал: “Гляжу вглубь себя и вижу бесконечную темноту”. Если мы не удивляемся этому, то причина в том, что нам всего больше не хватает чувства Тайны. И это видно из того факта, что мы, в конце концов, ищем удовлетворение жизни там же, где и все”. Итак, я уже долгие годы в Движении, у меня жена и дети, и вдруг я влюбился в девушку. Мне потребовалось некоторое время, чтобы это понять, т.к. в конце концов я не хотел признаваться себе в этом. Я пытался оттолкнуть эту очевидность, приклеивая Христа к нашей дружбе, но было ясно, что это только психологическое утешение, чтобы не смотреть на сдвиг моего “я”. Каждая частичка моего существа дрожит при виде ее лица. Если я набрался смелости и написал тебе, то лишь оттого, что после работы над четвертой главой Школы общины “Религиозное чувство: отправная точка” я начал смотреть вглубь своей ситуации, чтобы увидеть в действии составляющие факторы моего “я”, и открыл, что действительно являюсь одной сплошной бездонной потребностью, которую не может удовлетворить даже такое красивое и ясное лицо той девушки. Хватило мгновения, когда я признал эту очевидность, чтобы вызванное этой ситуацией смятение немедленно проявилось, не освобождая меня от огромной жертвы отстранения от нее и от боли, которую я чувствую по отношению к жене, которую очень сильно люблю, к детям, друзьям и свидетелям. В первый раз я до конца ощутил тайну своего бытия, его бесконечную ширь и в то же время свое ничтожество и малость. Удивление состоит в том, что посреди всей этой боли я вижу перед собой красоту и смысл поистине человеческого пути, который ты нам предлагаешь с той решительностью и честностью, которые для меня являются самым большим знаком нежности Бога к моему ничточеству. Если бы для меня Христос не был реальным

⁴³ Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, цит., стр. 55.

⁴⁴ Дж. Леопарди, «К портрету красавицы, высеченному на ее надгробии». Пер. А. Наймана.

присутствием, я не был бы в состоянии так смотреть на себя, и за это я действительно благодарен, потому что я не должен ничего отбрасывать из своей человечности, наоборот, происходящее со мной побуждает спросить себя, Чей я и Кому хочу отдать всю свою жизнь. Я не хочу больше жить с линейной энцефалограммой».

И только так жизнь может быть решена вне рамок чистого морализма. Если мы в состоянии смотреть в самую глубь тайны нашего бытия, тогда все мелко для способности нашей души (и сколько затруднений в жизни из-за того, что мы этого не понимаем...), потому что идти за первой попавшейся ничего не решает, а только усложняет, чтобы потом начаться сначала. И в этой ситуации мы не можем отвечать только моралистически «потому что это запрещено», чтобы потом говорить самим себе: «Но в конце концов мы теряем самое лучшее». Это означает, что мы так ничего и не поняли! Как говорит Гертруда фон Ле Форт: любая вещь, рассматриваемая с религиозной точки зрения, приобретает четкость и ясность.

Итак, смотреть на себя, имея в виду «тайну нашего бытия», позволяет нам понять то, что с нами происходит (и часто нас озадачивает), например, печаль; «великая печаль – основополагающая характеристика жизни, осознающей самое себя, “желание отсутствующего блага”, говорил Фома Аквинский».⁴⁵ Я чувствую в себе эту печаль потому, что желаю еще отсутствующего блага. И осознание ценности такой печали отождествляется с сознанием роста жизни и чувством собственной судьбы. И тогда можно почувствовать истину этой грусти, как ее описывает Достоевский (это все что угодно, только не несчастье!): «Неопределенное ощущение той вековой, священной тоски, которую иная избранная душа, раз вкусив и познав, не поменяет потом никогда на дешевое удовлетворение».⁴⁶

И, ссылаясь все на того же Достоевского, отец Джуссани продолжает: «Если печаль – это искра, порождаемая пережитой “разностью потенциалов” между идеальным предназначением и его исторической незавершенностью, то выравнивание этой “разницы” – как бы оно ни достигалось – ведет к появлению того, что логически противоположно печали – к *отчаянию*: “Одна уже всегдашняя мысль о том, что существует нечто безмерно справедливейшее и счастливейшее, чем я, уже наполняет и меня всего безмерным умилением и славой, – о, кто бы я ни был, что бы не сделал! Человеку гораздо необходимее собственного счастья знать и каждое мгновение верить в то, что есть где-то уже совершенное и спокойное счастье, для всех и для всего... Весь закон бытия человеческого лишь в том, чтобы

⁴⁵ Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, цит., стр. 59.

⁴⁶ Ф.М. Достоевский, *Бесы. Полное собрание сочинений*. Т. X, стр. 35.

человек всегда мог преклониться пред безмерно великим. Если лишить людей безмерно великого, то не станут они жить и умрут в отчаянии».⁴⁷

Именно поэтому увиденное в движении «я» проявляется в качестве обещания, как гениально сказал об этом Павезе: «В наслаждениях человек ищет бесконечности, и никто никогда не отказался бы от надежды достичь этой бесконечности»,⁴⁸ потому что «ожидание – эта сама структура нашей природы, человек, жизнь по своей структуре – обетование».⁴⁹ Не мы это решаем, это так.

Поэтому чем больше человек входит в тайну собственного бытия, тем больше осознает, из чего состоит настоящее одиночество, – и это не переходящее чувство ощущения себя одиноким, это было бы просто пустяком. «Можно с полным правом сказать, что чувство одиночества рождается в самой глубине всякого серьезного вовлечения в нашу человечность [чем серьезнее человек относится к собственной человечности, тем сильнее он осознает природу собственных потребностей и чувствует всю свою неспособность ответить на них]. (...) Мы одни наедине с нашими нуждами, с потребностью быть и жить насыщенно. Как человек в пустыне, который может ждать только одного: что кто-нибудь придет. И разрешение конечно приходит не от человека, потому что разрешения требуют человеческие проблемы».⁵⁰

Тогда именно в этот момент я начинаю угадывать, что такое настоящая компания: «Американский философ Альфред Н. Уайтхед дает следующее определение религии: “Это то, чем человек занимается в своем одиночестве”». Такое определение интересно, хотя в нем и не находит всего своего выражения все то значение, с которого начинается породившее его прозрение. Действительно, этот конечный вопрос имеет для человека основополагающее значение, и в этом смысле человек совершенно одинок: ничто другое не является этим вопросом, кроме него самого. Поэтому, если мы смотрим на мужчину, на женщину, на друга, на прохожего, не чувствуя в себе отзвука этого вопроса, той образующей его жажды судьбы, то наше отношение к другому не может быть человеческим, и еще в меньшей степени оно может быть отношением любви на каком бы то ни было уровне: оно не уважает достоинства другого, не соответствует его человеческому измерению. Однако тот же вопрос в тот самый момент, когда он становится выражением моего одиночества, становится и залогом того, что я не один, потому что означает, что я образован чем-то иным, хотя и таинственным.

⁴⁷ Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, цит., стр. 60.

⁴⁸ С. Pavese, *Il mestiere di vivere*, Einaudi, Torino 1973, p. 190.

⁴⁹ Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, цит., стр. 60.

⁵⁰ Л. Джуссани, *Путь к истине является опытом*, цит., стр. 67.

Поэтому, если бы мы захотели дополнить определение, данное американским философом, то сказали бы, что религия, хотя и есть то, чем человек занимается в одиночестве, но вместе с тем это и то, что открывает ему, что он, по сути, не один. И это более свойственно природе человека, чем одиночество, поскольку структура вопроса не порождается по моей воле, но дана мне. Поэтому одиночеству предшествует общество, которое охватывает мое одиночество, из-за чего оно уже не является истинным одиночеством, но призывом к сокровенному обществу».⁵¹ Поэтому тот, кто чувствует это одиночество, эту немощность, эту нехватку, не может не кричать, как Луци в своих стихах: «Сердце, по кому ты тоскуешь, в миг этим чувством заполняясь, кого тебе не хватает?».⁵²

3. Тоска по Тебе

Это высшая точка поиска, эта высшая точка, которую мы находим в себе самих, где «я» выражает то, чем оно является, если его не умаляем. Как прекрасно выражают это стихи Лагерквиста: «Незнакомец – мой друг, некто, мне не знакомый [не знаю, чего ищу; я этого не знаю]. Незнакомец далекий, далекий. По нему мое сердце тоскует, потому что его нет со мною. Потому что, быть может, нет его вовсе? Кто ты, своим отсутствием сердце мое наполняющий? Наполняющий землю отсутствием своим?».⁵³

Словом «тоска» Лагерквист простым образом описывает то, о чем Джуссани говорит в конце пятой главы: «Существование ответа определяется в самом явлении вопроса».⁵⁴ Тоска – это истинно человеческий опыт, через который мы все можем понять, что факт ее существования ведет к тому, что существует кто-то другой, по кому мы тоскуем, иначе тоски не было бы, не было бы как опыта, мы не чувствовали бы ничьей нехватки. Подумайте, вы чувствовали тоску по чему-либо, по кому-либо потому, что они уже существовали или существуют.

Тогда неумаленное «я» – это «я», в котором есть эта тоска, тоска о реальном и таинственном «Ты», тоска, что внутри того же порыва, с которым «я» входит в отношение с реальностью. Удивительным образом свидетельствуют об этом псалмы: «Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей

⁵¹ Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, цит., стр. 64-65.

⁵² М. Лузи, «Di che è mancanza», vv. 1-5.

⁵³ P. Lagerkvist, «Uno sconosciuto è il mio amico», in *Poesie*, Guaraldi-Nuova Compagnia Editrice, Rimini-Forlì 1991, p. 111.

⁵⁴ Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, цит., стр. 66.

и безводной». Кто осознает эту жажду, может понять, чего на самом деле стоит жизнь, и тогда может сказать вместе с псалмопевцем: «Милость Твоя лучше, нежели жизнь. Уста мои восхвалят Тебя. Так благословлю Тебя в жизни моей; во имя Твое вознесу руки мои. Как туком и елеем насыщается душа моя, и радостным гласом восхваляют Тебя уста мои, когда я вспоминаю о Тебе на постели моей, размышляю о Тебе в ночные стражи, ибо Ты помощь моя, и в тени крыл Твоих я возрадуюсь; к Тебе прилепилась душа моя; десница Твоя поддерживает меня».⁵⁵ Или «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь пред лице Божие!».⁵⁶

Не достает не Бога, а такого «я»! – в котором вся тоска, вся жажда... Понимаете, почему Иисус говорит: «Блаженны алчущие и жаждущие»?⁵⁷ Блаженны! Лишь истинно пробужденное «я» может взволнованно признать Его. И это подтверждает разумность пути, который заставляет нас проделывать Джуссани, – мне так кажется! – и тот факт, что он не освобождает нас от этого, имеет решающее значение: это благодать.

Борьба против власти находится на этом уровне. Такое «я» – это победа над властью, над попыткой уменьшить размах желания, притупить его. Для такого «я» предложения власти лишь крохи, потому что оно знает, что никакое одаривание не может быть достаточным, никакое место под солнцем не удовлетворяет сознающее свою нужду «я», потому что такой человек знает, где найти отдых, отдых на высоте собственного желания. И только такой человек имеет истинное отдохновение. «Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, покуда не успокоится в Тебе».⁵⁸

Чем больше человек осознает, что только Он может дать ему подлинное отдохновение, тем больше он взволнован самим фактом существования Бога. Он не может избежать возникающего из этого факта волнения, как часто повторял отец Джуссани: «Мое сердце радуется, потому что Христос живет».⁵⁹

Поэтому Его присутствие наполняет нас молчанием: «К имени Твоему и к воспоминанию о Тебе стремится душа наша».⁶⁰ А это желание не может продержаться и нескольких минут, если не становится просьбой, потому что истинная форма желания – это просьба, и она называется молитвой.

⁵⁵ Пс 62,2-9.

⁵⁶ Пс 41,2-3.

⁵⁷ Мф 5,6.

⁵⁸ Св. Августин, *Исповедь*, I, 1.

⁵⁹ L. Giussani, *L'Alleanza*, Jaca Book, Milano 1979, p. 106.

⁶⁰ Ис 26,8.

Суббота 30 апреля, день

При входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт, Концерт для фортепиано до-минор n. 24, К 491

Clara Haskil, фортепиано,

Игорь Маркевич – Orchestre des Concerts Lamoureux

“Spirto Gentil” n. 32, Philips

■ ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хулиан Каррон

«*Ubi fides, ibi libertas*»

«Прекрасна дорога для идущего»,⁶¹ и каждый из нас должен постоянно вновь и вновь принимать решение, будет ли он продолжать путь, потому что, несмотря на то, что человеческая материя, из которой мы были созданы, доступна человеку, если он по-настоящему внимателен к опыту и внимательно наблюдает за «я» в действии, все мы знаем, как мы далеки от ясности в этом вопросе. Только некоторые люди, иногда, в кульминационный момент, способны прикоснуться к собственной основе, обрести подлинное самосознание. Обычно, из-за влияния власти или при нашем потворстве, из-за нашей рассеянности, побеждает смятение (нам это прекрасно известно, достаточно посмотреть, как иногда мы действуем), и тогда человек никуда не движется.

Последствия отсутствия движения прекрасно описывает отец Джусани в восьмой главе *Религиозного чувства*. Это губительные последствия. Достаточно лишь взглянуть на общий список: опустошение личности (она попадает во власть реакций), черствость в отношениях, диалог, выродившийся в болтовню, одиночество как отсутствие смысла (и самыми серьезными симптомами этого являются раздражение, жестокость и все большая уязвимость).

Тот, кто в полной мере осознает это, понимает, в какой драматической ситуации мы часто оказываемся. Поэтому фон Бальтазар говорит: «Поскольку большая часть глубин человеческой личности по причине удаления от Бога оказалась скрыта и предана забвению, свет памяти и самосознания человека может снова достичь этой глубины [глубины

⁶¹ К. Кьеффо, «La strada». *Песенник*, стр. 194.

бытия, этого благоговения перед самим собой, этого подлинного самознания] только через воплощение Бога».⁶²

Именно по этой причине Бог стал искать человека: «Он идет навстречу тревогам нашего сердца, нашим тревожным вопросам и поискам».⁶³

Именно в этой ситуации христианство должно показать, что оно способно пробуждать «я», часто уже смирившееся, умаленное вплоть до убежденности в собственной самодостаточности. Если христианство сумеет пробудить «я», это будет самой убедительной проверкой веры.

1. Только Христос спасает человечность

«Только божественное может “спасти” человека, то есть истинные и существенные измерения человеческой личности и ее судьбы может “сохранить”, признать, провозгласить, защитить только Тот, Кто является ее окончательным смыслом»,⁶⁴ – учил нас отец Джуссани.

«Именно событие является положительным ответом на драматическую разобщенность, в которой общество вынуждает нас жить. Только событие [...] может придать человеческому “я”, составляющим его факторам ясность и содержательность. Этот парадокс невыносим для всякого рода философии и теории, социологической или политической: что именно событие, а не анализ, не регистрация чувств является катализатором, позволяющим факторам нашего “я” проявиться и утвердиться на наших глазах с неизменной, прочной и устойчивой ясностью. [...] Действительно, именно христианское событие является катализатором познания “я”, делает возможным ясное и устойчивое восприятие “я”, что позволяет “я” стать активным. Вне христианского события невозможно понять, что такое “я”. Учитывая то, что уже было сказано о событии вообще, христианское событие есть нечто новое, внешнее, приходящее извне, и поэтому нечто немислимое, невообразимое, несводимое к нашим построениям; оно врывается в нашу жизнь. [...] Встреча с этим событием открывает мне глаза на меня самого, раскрывает меня, показывает свое соответствие тому, чем я являюсь, – позволяет мне увидеть, чем я являюсь, чего хочу, потому что я понимаю,

⁶² Cfr. H.U. von Balthasar, *Wenn ihr nicht werdet wie dieses Kind*, Johannes Verlag, Einsiedeln 1988.

⁶³ Бенедикт XVI, Месса Елеев, 21 апреля 2011 г.

⁶⁴ Л. Джуссани, *У истоков христианского притяжения*, Москва, «Христианская Россия», 2010, стр. 111.

что оно несет именно то, чего я желаю, соответствует тому, чем я являюсь».⁶⁵

Это подтверждение пути, по которому мы пытаемся идти, потому что только событие, а не упорное повторение формул пробуждает «я», только христианское событие позволяет мне понять собственное «я», и поэтому на Школе общины мы так настойчиво старались свидетельствовать друг другу о том, как мы заметили в нас Его событие, так как именно пробуждение «я» является свидетельством христианского события. Мы стараемся понять, кто такой Христос, глядя на то, что Он пробуждает в нас, чтобы понять себя, чтобы обрести большую устойчивость, большую стойкость сознания, чтобы ослабло влияние на нас власти, чтобы обрести большее разумение реальности, чтобы быть самими собой, чтобы никто не смог обмануть нас.

Христос в такой степени соответствует тому, чем я являюсь, что, встречая Его, я наконец могу понять, «Кого именно мне так не хватало», – Того, Кто скажет мне: «Я – Тайна, которой не хватает во всем, чем ты наслаждаешься, в каждом обещании на твоём жизненном пути. Чего бы ты ни желал, к чему бы ни стремился, Я – судьба всего, что ты делаешь. Во всем ты ищешь Меня!».⁶⁶

Французский писатель Жан-Луи Кретьен правильно сказал, что такое осознание возможно только в христианстве: «Мысль о том, что высочайшее желание, в котором и заключается величие человека, есть бесконечное желание, желание, которое ничто не может остановить или усыпить, поскольку ничто конечное неспособно удовлетворить его, – это подлинно христианская мысль в силу того факта, что истина бесконечного желания есть желание бесконечного, желание самого Бога. Эта мысль радикально противоречит всей античной греческой мудрости, в соответствии с которой безграничное желание является знаком неумеренности и безумия и ведет к несчастью или отчаянию».⁶⁷ И мы видим, что мир возвращается к этой античной мысли: родители говорят детям, что испытывать такие желания – безумие. Неспособные уже понять самих себя, они не могут понять детей (то же самое можно сказать относительно студентов и преподавателей). Только Христос высвобождает всю мою человечность, все мое желание, потому что, как сказал Кьеркегор, «желание появляется только тогда, когда появляется объект».⁶⁸

⁶⁵ L. Giussani, «In cammino», in *Tracce-Litterae Communionis*, n. 2, febbraio 2000, p. III, VI, VIII.

⁶⁶ L. Giussani, *Avvenimento di libertà*, Marietti, Genova 2002, p. 149.

⁶⁷ J.-L. Chrétien, *La Joie spacieuse*, Les Éditions de Minuit, Paris 2007, p. 196.

⁶⁸ S. Kierkegaard, *Don Giovanni*, M.A. Denti, Milano 1944, p. 87.

Итак, мое желание, настолько несоизмеримое с моими силами, дает мне ясное осознание того, чего мне недостает, и это самое великое свидетельство о Христе, самый явный знак Его современности: не разговоры о Христе, но «я», имеющее такое желание! Много кто говорит о Христе, но сколько из них не охвачены скептицизмом, кто из них в своем возрасте еще сохранил желание жить? Если это свидетельствует о современности Христа, то, видя подобное, как можно говорить, что вера есть творение человека! Человек неспособен создать веру, потому что в первую очередь человек неспособен в такой степени пробудить свое желание. Человек не мог и мечтать о таком, более того, это казалось ему безумием. Поэтому наша пробужденная человечность есть величайшая апология Христа.

Именно это изумляло Исаака Сирина: «Как чудесно размышление о твоем устройстве, о человек! Но еще чудеснее тайна твоего пробуждения!».⁶⁹

Пробуждая «я», Христос не решает драму «я», устраняя человеческое желание, но возвышает его, углубляет чувство тайны. Что это было бы за решение, если бы оно расплющивало или подавляло желание? Тот, кто признает Христа, наоборот, видит, что его человечность превозносится до невообразимого уровня. Поэтому углубление нашего чувства тайны есть знак Его присутствия.

Один наш друг во время публичного свидетельства сказал: «Мой экзистенциальный путь за последние шесть лет, главный новый шаг которого можно описать как “взрыв” структурной несоизмеримости, заключался в том, что восприятие моей человеческой нужды, просьба о смысле, в отдельные моменты почти пронизывающая, а также осознание неспособности человека унять ее и крах множества иллюзий становились все более радикальными. Прежде всего, хочу сказать вам, что смотреть на Каррона в течение этих лет означало, что мой радикальный вопрос пробуждался вновь; прежде всего, я осознавал, что умалил значение всей предыдущей истории, что мое пробуждение зависело не от штудирования *Религиозного чувства*, но от того, есть ли в моей жизни событие Христа, о котором свидетельствовали друзья. Встреча с живым свидетелем не добавила мне несокрушимости, я думал, что взросление в некотором роде есть атараксия. Но я обнаруживаю в себе намного большую хрупкость, беспокойство, уязвимость, на меня все больше действует чья-нибудь болезнь или дело, которое идет не так, или желание, которое не исполняется, или тревога за судьбу друга и мира. Рана намного глубже, чем раньше (экзистенциальная, личная, психологическая рана), люди и вещи доставляют мне намного больше беспокойства; но в то же время есть новизна: я понимаю, что никто

⁶⁹ Isacco di Nive, *Discorsi spirituali*, Qiqajon, Magnano (Bi) 2004, p. 141-142.

не может стать ответом этой зияющей бездне, кроме Того, Кто выше природы. Это открытие навстречу Иному, чем я. То есть за эти годы, благодаря этой совместной жизни, я заметил обман – попытку заполнить человеческую потребность меньшим, чем то, что способно ее удовлетворить. Я заметил, что можно сохранять верность этой потребности (принадлежа *Memores Domini*), как, мне кажется, я и старался все эти годы, но полагать человеческую надежду не на присутствующего Христа и проживать как бы две параллельных жизни (вот дуализм, о котором мы все время говорим): с одной стороны, ты утверждаешь Христа и думаешь, что молишься, но критерий суждения, используемый тобой в отношении с реальностью, основывается на другом. Если я нуждаюсь до такой степени, то мне нужно вновь встречать это присутствие не однажды, но каждый раз; если я не встречаю это присутствие вновь, то не могу хорошо себя чувствовать, и иногда это ощущается даже физически, как будто рана появилась прямо на сердце, и тогда мне нужно видеть Его дела, потому что Его дела – бальзам на зияющую рану внутри меня. И произошло нечто странное: Присутствие устранило барьеры, сдерживающие осознание моей несоизмеримости, но несоизмеримость сделала меня способным видеть это Присутствие в том, на что прежде я не обращал внимания».

Это возрождение «я» есть проверка веры и призвания, и, сталкиваясь с чем-то подобным, человек может только наполниться изумлением и бесконечной благодарностью. За что человек должен быть благодарен? За то, что Он есть, за то, что Христос есть и что Он присутствует. И чем больше человек открывает собственную нужду, тем больше осознает, что на эту нужду невозможно ответить с помощью слов, верной теории, верной интерпретации (даже с помощью правильной интерпретации слов Джуссани), с помощью дел, инициатив, работы, карьеры, близких отношений. Ее ничем невозможно заполнить. Чтобы найти ответ этому «я», такому пониманию «я», всей грандиозности его тайны, нужно вновь встретить Его присутствие, потому что нам ничего не будет достаточно. Все остальное бесполезно, и поэтому отношение с Ним – это единственная возможность найти соответствие.

Только с помощью таких друзей мы можем правильно понять наши потребности. Сегодня утром мы сказали, что часто умаляем наши потребности. «А встреча освобождает твои потребности, освобождает их от власти той ущербной интерпретации, которая стремится подстроить всю твою личность под требования власти».⁷⁰

Джуссани настойчиво подчеркивает: «Итак, встреча рождает, создает (если только сердце искренно, если в нем есть хоть капля искренно-

⁷⁰ L. Giussani, *L'io rinasce in un incontro* (1986-1987), op. cit., p. 377.

сти) иную компанию, которая противостоит обществу, такую компанию, как наша! В ней понимание потребностей изменяется, предлагаемое ею понимание побеждает то, что внушает нам власть, в этой компании человек начинает смотреть на потребности с позиции истины, которую он встретил». ⁷¹ И затем добавляет: «Итак, встреча “инстинктивно” рождает компанию, сродство с тем человеком, которого я встречаю, с другими людьми, встретившими эту же компанию, так рождается группа, рождается компания, рождается Движение. В этой компании, в этом Движении нужды человека видят в истинном свете. И поэтому возникает контраст, эта компания становится “параллельным *полисом*”, становится “параллельной человечностью”, и человек начинает понимать, что значит отношение с женщиной, что значит дружеское отношение, что значит отношение с человеком как таковым, отношение со временем, что такое прошлое, что такое ошибка, заблуждение, грех, что такое прощение. То есть начинает понимать, понимать то, чего раньше не понимал и чего другие не понимают, и ощущает сострадание ко всем. Как если бы человек, который жил в подвале, родился и вырос в подвале и думал, что весь мир – это подвал, потом вдруг вышел наружу: “Это другой мир!”». ⁷²

Как рождается такое я?

2. Рождение нашего человеческого лица

Послушаем отца Джуссани: «Власть не может помешать встрече, но старается помешать ей стать историей, иными словами она не может воспрепятствовать встрече, но, как только замечает, что встреча произошла, власть старается помешать встрече стать историей», ⁷³ то есть влияет на продолжительность, сопротивляемость времени, не дает произошедшему сохраниться. Как она действует? Она пытается умалить наши желания, которые только что вновь пробудились во встрече. И сколько раз мы понимаем, что вернулись к исходной точке: «Достаточно взглянуть, какие обширные пустоты обнаруживаются в повседневном течении наших мыслей, какие провалы» ⁷⁴ мы часто замечаем в своей памяти.

Чтобы новизна, принесенная встречей, обрела прочность и чтобы мы не просто не возвращались на исходную позицию или, что еще хуже, не превратились в скептиков, но стали бы глубже понимать нашу тайну,

⁷¹ *Ibidem*, pp. 362-363.

⁷² *Ibidem*, p. 364.

⁷³ *Ibidem*, p. 247.

⁷⁴ Л. Джуссани, *В поисках человеческого лица*, цит., стр. 3.

нужно пройти путь, захватывающий путь, потому что нет ничего столь захватывающего, как узнавание истинных измерений собственного «я», нет ничего столь поразительного, как узнавание собственного истинного человеческого лица.

Послушайте потрясающие слова, которыми отец Джуссани напутствовал выпускников, чтобы ободрить их в этом приключении. Он сказал эти слова много лет назад, но мне кажется, что это будет полезно и нам: «Рассчитывайте на то, что это будет путь, а не чудо, которое избавит вас от ответственности, уничтожит ваши трудности, превратит вашу свободу в автомат. Нет! Не рассчитывайте на это. В этом глубокое отличие от того, что было раньше, от пути, который вы прошли до сих пор: разница в том, что ты не сможешь следовать за мной, не сможешь следовать за нами, если не будешь стремиться понять. До сих пор ты мог следовать, даже не понимая, даже не стремясь понять, – теперь ты больше не сможешь следовать, если не будешь стремиться понять. До сих пор ты мог следовать, не испытывая любви, – теперь ты должен будешь по-настоящему полюбить жизнь и ее судьбу. Иначе, и только в том случае, если ты не стремишься понять и не стремишься полюбить жизнь и ее судьбу, ты уйдешь от нас».⁷⁵ Потому что все противоречит вере, и если человек не понимает, по какой причине он должен это делать, это долго не продлится, происшедшее с нами не станет историей.

Итак, Джуссани предлагает путь, работу, а не чудо и не автоматический результат. За нуждой, которая часто обнаруживается в нашей среде, кроется растерянность: мы всегда мечтаем о предложении, которое принесет плоды без труда, без вовлечения нашей свободы, без вовлечения полноты нашего «я». Вот что говорит Джуссани (мы не найдем себе другого попутчика, который расскажет нам о нас самих так правдиво, словно мы подверглись сканированию): «От чего зависит сухость и вялость совместного существования, совместной жизни общины [подумайте о Братстве, о семьях, о друзьях], если не от того, что слишком мало людей может сказать о себе, что они вовлечены в опыт, в жизнь как опыт? Равнодушные к жизни как к опыту ведет к болтовне, а не к разговору».⁷⁶ Вспомним кое-какие ужины и задумаемся: если бы человека со стороны спросили, что нам важнее всего, то каким был бы его ответ?

Поэтому мы снова возвращаемся к важности пути, который он нам указывает (а у меня для вас тоже нет другого предложения): путь к истине – это присутствующий опыт, который служит подтверждением пользы

⁷⁵ Л. Джуссани, Национальный съезд выпускников, Римини, 28-30 сентября 1982 г., Архив СЛ.

⁷⁶ Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, цит., стр. 97-98.

веры для ответа на наши неискоренимые и неистощимые потребности и желания, взывающие к ответу. Мы все знаем, что именно дается нам с трудом: мы рассказываем о впечатлениях, рассказываем о чем-то, высказываем свои мнения, но кто вовлечен в опыт?

Сегодня мы сталкиваемся с той же трудностью, что и Джуссани: «Тридцать лет назад, начиная все это говорить, я не думал, что через тридцать лет мне придется по многу раз повторять и объяснять то же самое людям, которые уже десять лет идут по этому пути! Многие думают, что все поняли только из-за того, что прочитали текст, идут дальше и не относятся серьезно к используемым словам, то есть не относятся серьезно к реальности, на которую указывают эти слова, не относятся серьезно к субъекту, живущему в реальности, из которой создается, формируется его время. Где отправная точка человеческого поиска, розыска истины? Отправная точка – опыт. Не мои ощущения, а опыт, то есть мои ощущения, подвергнутые суждению на основе критериев сердца, каковые как критерии безошибочны (безошибочны как критерии, а не как суждения, безошибочность можно неправильно применить на практике). Есть только эти критерии, и нет никаких других. Либо мы берем критерии в сердце, либо отчуждаемся, продаемся политике или экономике».⁷⁷

Отец Джуссани предупреждает нас, что можно создавать видимость пути, не приобретая опыта: всегда есть риск, что путь превратится в эскалатор. Если наш путь и наша вера не станут присутствующим опытом, в котором мы обретаем подтверждение соответствия веры нашей человечности, мы не сможем следовать, не сможем стать друг другу попутчиками: «Опыт должен быть действительно таковым, то есть оцениваться разумом, иначе общение становится бормотанием слов или извержением жалоб».⁷⁸

Поэтому можно проверить, приобретаем мы опыт или нет, проверив, растет ли и упрочивается ли наше «я». «Человек замечает, что растет»,⁷⁹ – это часть опыта, как всегда говорил нам Джуссани, и человек понимает, что растет, потому что опыт остается в памяти, больше не забывается. И поэтому второй знак в этой главе – что «опыт хранится памятью. Память – это хранилище опыта. Итак, опыт хранится памятью, потому что я не могу вступить в диалог с тобой, если мой опыт не хранится во мне, не защищен во мне, как дитя во чреве матери, и, таким образом, не растет постепенно с течением времени».⁸⁰ И тогда с помощью слов мы можем передать то, что прошло подлинную проверку в опыте.

⁷⁷ L. Giussani, *Si può (veramente?) vivere così?*, Bur, Milano 1996, p. 83.

⁷⁸ Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, цит., стр. 98.

⁷⁹ L. Giussani, *Il rischio educativo*, Rizzoli, Milano 2005, p. 126.

⁸⁰ Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, цит., стр. 98.

Вера может рождать действительно устойчивую личность, только если мы переживем такой опыт. «Устойчивость нашего “я” – это глубоко новый опыт, это поистине новое рождение, это новое рождение Никодима. И чудо, которое должно произойти, – это обретение нашим “я” устойчивости, то есть достоинства, уверенности в судьбе и способности действовать по-новому и в большей степени по-человечески».⁸¹

Поэтому только лишь благодаря пути может родиться новое творение, которое отец Джуссани описывает следующим образом: «Иной опыт самоощущения, иное восприятие вещей, иное чувство от присутствия других людей, иной порыв, иная насыщенность отношений, иной вкус внутри беспокойной динамики работы, невообразимый, немислимый ранее результат».⁸² Если этого не происходит, к чему нам вера? Рано или поздно нас тоже охватит равнодушие, но не потому что Христос не исполняет обещанного нам во встрече, как мы часто говорим, а потому что мы все свели к автоматизму, потому что мы по-настоящему не вовлечены в проверку опыта! А ведь без этого у меня нет лица.

Послушайте потрясающую финальную строфу стихотворения Рембо: «Утром мой взгляд был таким пустым, облик таким мертвым, что те, кого я встречал, меня, может быть, не видели».⁸³ Ты встречаешь человека без лица. Быть присутствием означает обладать лицом, а именно вера делает лицо значительным.

Сила нашего присутствия – вера, вера, пережитая как присутствующий опыт, и тогда она становится незабываемым присутствием. «О чем нельзя забыть? [...] О том, что не позволяет забыть себя [...], о том, что само по себе и как бы предвосхищая, сияет ясностью, которую ничто не может затушить или заглушить».⁸⁴

3. “*Ubi fides, ibi libertas*” (св. Амвросий)

Если человеку не хватает устойчивости, если его личность выхолощена, он попадает во власть в высшей степени неконтролируемых сил инстинкта и власти, и это конец свободы (так заканчивается восьмая глава *Религиозного чувства*).

⁸¹ Л. Джуссани, Национальный совет Движения «Общение и Освобождение», Милан, 9-10 февраля 1985 г., Архив CL.

⁸² *La fede oggi*, Встреча отца Луиджи Джуссани со взрослыми членами Движения «Общение и Освобождение», Турин, 13 июня 1981 г., Архив CL.

⁸³ Ср. А. Рембо, *Одно лето в аду*.

⁸⁴ J.-L. Chrétien, *L'insperabile e l'indimenticabile*, Cittadella Editrice, Assisi 2008, p. 123.

Сегодня мы имеем дело с огромным стремлением к свободе, но одновременно констатируем неспособность быть действительно свободными в реальности, то есть быть самими собой. Как если бы каждый подстраивался под то, чего от нас ожидают в определенных обстоятельствах: на работе у человека одно лицо, в кругу друзей – другое, дома – третье... Но когда же мы настоящие? Не говоря уже о том, сколько раз человек ощущает, что задыхается в обстоятельствах повседневной жизни, не имея ни малейшего представления, как от них можно освободиться, кроме как ждать, пока изменятся сами обстоятельства (часто это единственный понятный нам путь освобождения). В конце концов, человек чувствует себя как в западне, мечтая о свободе, которая никогда не наступит. На историческом этапе, когда столько говорится о свободе, мы наблюдаем парадокс ее нехватки, ее отсутствия.

Поэтому тот факт, что сегодня свобода представляет собой такое редкое, такое дефицитное благо, является еще одним подтверждением недостатка реального опыта веры, в полном соответствии с великим девизом святого Амвросия: "*Ubi fides, ibi libertas*"⁸⁵ («Где вера, там свобода»).

Поэтому свобода есть самый великий и драгоценный знак веры, и именно так можно проверить, приобретаем ли мы опыт веры, способной выстоять в мире, где все, буквально все, ей противоречит. Понимаем ли мы, что за вызов стоит перед нами? Если в этой реальности у нас нет лица, нет устойчивости, то наша вера не сможет выстоять в истории, нас сметет с дороги!

А каково условие свободы? При каком условии имеет смысл вести речь о свободе, о неумалимости «я», об устойчивости? Только в одном случае: «Лишь в одном случае эта точка, отдельный человек, свободен от всего мира, свободен! – и весь мир не может оказывать на него давления, все мироздание не имеет над ним власти; лишь в одном случае объясним этот образ свободного человека: если предполагается, что эта точка не состоит только из биологии отца и матери, но обладает чем-то, что не есть следствие биологических данных предшествующих поколений, но представляет собой непосредственную связь с бесконечным, непосредственную связь с источником всего потока мира [...]. Только если принять гипотезу, что во мне существует это отношение, мир может сделать со мной все что угодно, но он не победит меня, не устранил, не схватит, я больше его, я свободен. [...] И вот парадокс: свобода – это зависимость от Бога. Это парадокс, но он совершенно ясен. Человек, конкретный человек: я, ты, не существовал, сейчас он существует, завтра его больше не

⁸⁵ Sant' Ambrogio, *Epistole*, 65, 5.

будет, – следовательно, он зависим. Или он зависит от потока своей материальной предыстории, и тогда он – раб власти; или зависит от Того, что стоит у истоков всего сущего, *свыше* его, то есть от Бога. Свобода отождествляется с зависимостью от Бога на человеческом уровне, то есть будучи признанной и пережитой на опыте. Тогда как рабство – это отрицание или усечение этой связи. Переживаемое на опыте сознание этой связи называется религиозностью. Свобода заключается в религиозности! Поэтому единственный заслон, единственный предел, единственное препятствие диктатуре человека над человеком, идет ли речь о мужчине или о женщине, о родителях или детях, о правительстве и гражданах, о хозяевах и рабочих, о партийных вождях и о структурах, в которых служат люди, – единственный заслон, единственный предел, единственное возражение, *единственное*, что противостоит рабству пред лицом власти, – это религиозность».⁸⁶

Смотрите, как часто мы питаем иллюзии, будто достигли свободы! Сопоставим же серьезно свою жизнь со словами отца Джуссани и подвергнем опыт проверке: «Поэтому перед теми, в чьих руках власть [...], встает искушение ненавидеть истинную религиозность, если только они сами не являются глубоко религиозными людьми [...], потому что она полагает предел обладанию, бросает вызов обладанию».⁸⁷

И еще: «Вера – это действие основополагающей свободы, а молитва – постоянное воспитание сердца, духа в человеческой подлинности, в свободе: потому что вера и молитва – это полное признание того Присутствия, Которое есть моя судьба, а зависимость от которого есть моя свобода».⁸⁸

Но как можно в любых обстоятельствах переживать религиозность, отношение с Тайной, делающей меня до такой степени неумалимым перед любой властью? Нужно, чтобы человек постоянно прилеплялся к Тайне, от которой он зависит. Меня поразила вопрос, который часто задавал отец Джуссани: откуда у человека может взяться ясное сознание и сила привязанности, которые позволят ему прилепиться к Тайне, хотя эта Тайна остается тайной? Как может пока еще неясный и таинственный объект пробудить энергию свободы, чтобы привести ее к полноте?

Пока объект неясен, каждый может придумывать себе все что ему угодно и определять себя в своем отношении с этим объектом как ему угодно. Подумайте об опыте любви: человек желает любить и быть люби-

⁸⁶ Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, цит., стр. 106-107.

⁸⁷ Там же, стр. 107.

⁸⁸ Там же, стр. 103.

мым, но что мы делаем до тех пор, пока лицо того человека неизвестно? То, что нам заблагорассудится. Только когда появляется то самое лицо, тогда появляется сила, способная притянуть «я». Потому что я знаю, что желаю бесконечного, и эта бесконечность существует, поскольку я постоянно испытываю тоску по ней, как сказал Лагерквист, но каждый день я хватаюсь за какую-либо деталь, следуя за первым попавшимся объектом, который потом разочаровывает меня. Такова судьба человека, если только не случится так, как сказал Витгенштейн: «Тебе нужно искупление, в противном случае ты теряешься [...]. Нужно, чтобы, так сказать, через потолок, крышу, под которой я работаю и на которую не хочу подниматься, пролился свет. [...] Это стремление к абсолюту, по сравнению с которым всякое земное счастье выглядит ничтожным,.. кажется мне изумительным, высочайшим, но я задерживаю взгляд на земном, если только “Бог” не посетит меня».⁸⁹

Поэтому нужно, чтобы Тайна стала нам попутчиком, чтобы Бог посетил меня. Чтобы в мир пришел совершенный опыт свободы, Тайне пришлось стать попутчиком жизни человека. Только когда Тайна, как любимый человек, открывает Свое Лицо и целиком привлекает, притягивает меня, тогда у меня может появиться ясность и энергия, позволяющие прилепиться, то есть задействовать всю мою свободу.

В Иисусе Тайна стала, говоря непревзойденными словами отца Джуссани, «привлекающим привязанность присутствием»,⁹⁰ вплоть до того, что воспламенила желание человека и как никогда ранее бросила вызов его свободе, то есть его способности примыкать к чему-то. Человеку достаточно уступить побеждающей привлекательности Его личности, Его привлекательности, как и происходит с влюбленным человеком: именно привлекательное присутствие любимого человека пробуждает в нем всю его энергию привязанности. Достаточно уступить привлекательности человека, стоящего перед ним. Поэтому Бетокки сказал: «Нужен человек – / нужна не мудрость; / нужен человек / в духе и истине; / не страна, не вещи – / нужен человек, / надежный шаг и крепкая / рука, протянутая им, за которую все / могут хватиться, свободно / идти и спастись».⁹¹

Точно так же, как в отношении с любимым человеком, я открываю присутствующую Тайну в непредвиденной, неожиданной встрече, как Иоанн и Андрей: начиная с того момента, как они Его встретили,

⁸⁹ L. Wittgenstein, *Movimenti di pensiero*, Quodlibet, Macerata 1999, p. 85.

⁹⁰ L. Giussani, *L'autocoscienza del cosmo*, Bur, Milano 2000, p. 247.

⁹¹ C. Betocchi, «Ciò che occorre è un uomo», in C. Betocchi, *Dal definitivo istante*, Bur, Milano 1999, p. 146.

все оставшееся время их жизни они сохраняли привязанность к Нему, поскольку их свобода столкнулась с таким вызовом Его неповторимой исключительности, что они не могли идти дальше, не считаясь с этим Человеком. Свобода тех, кто встретил Его, обрела в Нем ни с чем не сравнимую завершенность: стократ уже в этом мире, то есть в сто раз большее удовлетворение. Если мы не получим в сто раз большее удовлетворение, разве разумно следовать за Ним? Мы долго не продержимся, если только не в силу удовлетворения, в сто раз большего удовлетворения, которое есть предвкушение другого, полного. А что это не привиделось ученикам в видениях, доказывает тот факт, что они остались, – иначе они тоже ушли бы спустя недолгое время.

«*Caro cardo salutis*»,⁹² – сказал Тертуллиан: плоть, Слово, ставшее плотью, есть основа спасения. Но тем самым мы достигаем высочайшей точки драмы, с которой имеет дело каждый из нас. Итак, если дела обстоят таким образом, если Христос и есть это привлекательное присутствие, до такой степени соответствующее нашим самым глубоким желаниям, то кажется естественным уступить Его привлекательности; соответствие так велико, что это кажется нам практически само собой разумеющимся. Но вновь обратимся к опыту, который показывает, что все не так просто.

Почему часто мы оказываем такое упорное сопротивление и не уступаем Его притягательности? Это не просто слабость, хотя ей мы подвержены в самой полной мере, – скорее, уступить Ему нам не позволяет ощущение, что мы теряем самих себя. Но откуда возникает ощущение, что мы себя теряем, если в действительности мы можем обрести себя, только уступив Его привлекательности? Это влияние на нас греха. Из-за греха восприятие нами себя самих и Бога расфокусировано, и из-за этого нам кажется, что Бог против нашей завершенности, и мы даже думаем, что, доверившись Ему, потеряем себя, что нужно держать Его на расстоянии. И через эту драму прошел даже Иисус, истинный человек. Более того, именно потому, что Он пережил ее, Он смог выйти победителем.

Бенедикт XVI пишет: «Человеческая воля сотворена так, что она стремится к синергии (сотрудничеству) с волей Бога, но из-за греха синергия превратилась в противостояние. Человек, воля которого достигает завершенности в соединении с волей Бога, теперь ощущает, что воля Бога подвергает риску его свободу. В согласии с волей Бога он видит уже не возможность стать в полной мере самим собой, но угрозу своей свободе и сопротивляется этой угрозе. Драма Христа в Гефсимании заключается в том, что Христос возвращает естественной воле человека [...] ее вели-

⁹² Tertulliano, *De resurrectione mortuorum*, VIII, 6-7.

чие. В естественной воле Христа [...] в самом Христе проявляется сопротивление Богу со стороны человеческой природы. Проявляется наше упрямство, противопоставление себя Богу, и Христос в борьбе вытягивает сопротивляющуюся природу наверх, к ее истинной сущности. [...] Молитва “не Моя, но Твоя воля” (Лк 22,42) – это подлинная молитва Сына к Отцу, в которой естественная человеческая воля полностью была вовлечена в “Я” Сына, сущность которого выражается именно так: “не Я, но Ты” – “Я” целиком отдает Себя “Ты” Бога Отца. Но это “Я”, однако, приняло в Себя сопротивление человеческой природы и преобразило его, так что теперь в послушание Сына включены все мы, все мы становимся сынами». ⁹³

В Страстную Среду Папа снова повторил: «Человек сам по себе подвержен искушению противиться воле Бога, следовать своей воле, ощущать свободу только, когда он полностью автономен; он противопоставляет свою автономию гетерономии – следованию воле Бога. В этом вся драма человеческой природы. Но на самом деле это мнимая автономия, и согласие с волей Бога означает не противодействие своей собственной природе, это не рабство, не насилие над моей волей, – это приобщение к истине и любви, к благу. Христос вытягивает нашу волю, противодействующую воле Бога, стремящуюся к автономии, вытягивает эту нашу волю наверх, к воле Бога. Вот драма нашего искупления: она в том, что Христос вытягивает наверх нашу волю, всю нашу неприязнь к воле Бога, наше отвращение к смерти и греху и соединяет ее с волей Отца: “не *Моя* воля, но *Твоя*”. В этом превращении “нет” в “да”, когда воля творения включается в волю Отца, Он преобразует человечность и освобождает нас. И зовет нас за Собой: выйти за рамки нашего “нет” и войти в “да” Сына. У меня есть своя воля, но решающее значение имеет воля Отца, потому что она есть истина и любовь». ⁹⁴

Это цена нашего искупления. А не игра слов!

Но как продолжается этот подъем, эта борьба против нашего сопротивления, нашего падения? Единственная возможность – если христианство продолжает повторяться как присутствующее событие. Если христианское Событие не повторяется постоянно, нет никакой возможности для подлинной свободы, поэтому тот факт, что Оно продолжается, является знаком Его истинности: Оно продолжается, поскольку Оно истинно. Вот смысл нашего пасхального плаката: если Христос не воскрес и не продолжает присутствовать, наша вера тщетна. Мы можем выбрать для себя

⁹³ Benedetto XVI, *Gesù di Nazaret. Dall'ingresso in Gerusalemme fino alla risurrezione*, op. cit., p. 181-182.

⁹⁴ Бенедикт XVI, *Общая аудиенция*, 20 апреля 2011 г.

из наследства Христа что-нибудь полезное, но это значит, что мы полагаемся только на себя: «Если Христос воскрес, то только в этом случае можно утверждать, что произошло нечто поистине новое, благодаря чему меняется мир и положение человека. Тогда Он, Христос, становится критерием, в котором мы можем быть уверены. Поскольку факт воскресения означает, что Бог и вправду явил Себя».⁹⁵

Но чтобы это не превратилось в нечто уже известное, но постоянно становилось опытом, отец Джуссани говорит нам: «Чтобы то, что мы знаем, или то, что мы имеем, стало опытом, нужно, чтобы то, что мы знаем или имеем, давалось нам сейчас: нужна рука, протягивающая нам все это сейчас, нужно лицо, выступающее на первый план сейчас, кровь, проливающаяся сейчас, воскресение, происходящее сейчас. Вне этого «сейчас» нет ничего!».⁹⁶ Какую силу обретают эти слова в связи с тем, о чем мы говорили! Наше «я» способно приходить в движение, испытывать волнение, то есть меняться, только лишь благодаря современности, событию. Христос – это то, что происходит со мной сейчас. Итак, чтобы то, что мы знаем, – Христос – стало опытом, необходимо настоящее, провоцирующее и потрясающее нас, настоящее, как оно было настоящим для Иоанна и Андрея.

Что за рука протягивает нам все это сейчас? Мне передали поразительный текст 1997 года: «Все, в чем нуждается наш мир, – это *новый народ*, община, которая как поток жизни пересекает пустыню окружающего нас мира. Но этот народ, эта община могут быть созданы только пророком. Я хочу отметить здесь то, что может показаться лишь деталью. Каков самый важный фактор в реальности того народа, которым мы призваны стать, той общины, к которой мы принадлежим, в этом месте пророчества и крика “Бог есть все”? Где настоящее место религиозного чувства? Самым важным фактором в реальности этого народа является то, что мы называем *авторитетом*. Крайне необходимо разрушить вплоть до последнего камня образ авторитета как бездушного управления, как будто это какие-то люди, сидящие в башне и рассылающие оттуда команды, управляющие течением событий. Авторитет, наставник – антоним власти, в нем нет ни малейшего намека на слово «власть». Поэтому по отношению к авторитету в народе Божиим на всех уровнях нет никакого страха. Страх внушает власть, и, чтобы освободиться от страха, нужно наплевать на власть. Что такое авторитет? Это место (и ты тоже являешься местом, человек – тоже место), где переживаются борьба за про-

⁹⁵ Бенедикт XVI, *Пасхальный плакат* Движения «Общение и Освобождение», 2011, из Benedetto XVI, *Gesù di Nazaret...*, op. cit., p. 270.

⁹⁶ Ср. Л. Джуссани, *Пасхальный плакат* движения «Общение и Освобождение», 2011 г.

рочество и проверка пророчества; где происходят борьба за утверждение и проверка того ответа, каковым является для нашего сердца Христос; где Христос ощущается ответом на все потребности сердца. Это место, где религиозное чувство (то есть потребности сердца, которые обнаруживают этот ответ) яснее и проще всего; поэтому ответ не пугает, а приносит мир. Пазолини пишет, что воспитывать молодых людей следует своим существованием, а не своими поучениями. Авторитет – это место, где связь между потребностями сердца и ответом Христа наиболее чиста, проста и умиротворяюща. *Авторитет – это бытие*, а не источник слов. Слова тоже составляют часть бытия, но только как отражение. Итак, авторитет – это человек, глядя на которого, можно понять, что слова Христа соответствуют сердцу. Это и ведет за собой народ. [...] Итак, все дело в следовании. Лучше всего это описывается словом “*сыновство*”: авторитету можно быть только сыном». ⁹⁷

Поэтому отец Джуссани всегда учил нас, что в первую очередь мы должны просить, чтобы у нас всегда были авторитеты, такие люди, потому что, только если Он пошлет нам таких людей, со столь ясным переживанием религиозности, лишь тогда мы сможем следовать, и это может стать нашим вкладом в поиск выхода из растерянности.

Только такие люди могут стать инструментом миссии, «потому что Движение рождается, утверждается и дает плоды только через личность – через меня, через тебя. Буду я один или вместе с кем-то – неважно: найду ли я брата или друга, зависит от замысла Бога. Движение начинается, крепнет и является в руках Божиих инструментом миссии только внутри моей веры и посредством нее, только внутри опыта жизни как веры, определяющего мою личность, определяющего мое лицо». ⁹⁸

⁹⁷ Л. Джуссани, «Тот, кто не рожден, не рождает», *Litterae Communionis Tracce*, п. 6, июнь 1997, стр. 11.

⁹⁸ *La fede oggi*, цит., Архив CL.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Хулиан Каррон

Совместная работа на Школе общины помогает нам понять, в чем ценность Общего фонда. Общий фонд, как всегда учил нас отец Джуссани, помогает приучиться к бедности. А бедность – это в первую очередь не щедрость пожертвований, но истинное отношение к вещам. Это не просто малозначимая деталь, и поэтому отец Джуссани всегда напоминал нам о нем.

Подруга написала мне: «Дорогие друзья из Братства, это всего лишь незначительное увеличение суммы взноса, и оно не идет ни в какое сравнение с благодарью, которую я получила в этом году на пути нашего опыта. Благодаря желанию больше принадлежать ему, постоянной просьбе о большей верности работе и более осознанному доверию Христу в соответствии с тем, как Он являет Себя в повседневной реальности, я смогла открыть новую человечность, хотя не думала, что для меня такое возможно. Я искренне за это благодарна». Если участие в Общем фонде не рождается из такой благодарности, все это долго не продлится, не выстоит в мире, где все, буквально все, противоречит этому: «Свои деньги я трачу, как мне заблагорассудится».

Дело тут вовсе не в деньгах, а в воспитании, и поэтому я напоминаю об Общем фонде с полной свободой.

Мне рассказали поразительный случай: группа бразильских студентов отправилась в район наводнения недалеко от Рио-де-Жанейро. Там они вручную разбирали мусор в церквях. Во время общего собрания несколько человек сказали, что в течение этих дней они открыли, что можно иметь представление о том, что каритатива – это очень хорошо, но на деле не испытывать склонности к милосердию. То же самое можно сказать и об Общем фонде: можно знать, что фонд помогает приучиться к бедности, но участвовать в нем не ради Христа, а если участвовать не ради Христа, то это останется абстрактным правилом.

Наш друг свидетельствует нам, что Общий фонд существует ради Христа: «Дорогой Хулиан, я с большим энтузиазмом совершил сегодня один маленький поступок, но для меня он важен, для меня это знак победы Христа над моей тревогой и сопротивлением. Обновляя анкету на сайте Братства, я сделал запрос, чтобы мне присылали квитанции на взносы в Общий фонд. После пятилетнего перерыва я хотел снова платить взносы. Начав, наконец, серьезно работать над Школой общины, я не смог дальше жить параллельной жизнью [вот подтверждение: в нашем «я» что-то сдвигается с мертвой точки, если мы как надо работаем на

Школе общины. И какое желание проснулось снова?]. Желание, чтобы критерий Движения, привлекательность которого я признал, стал критерием оценки всего, что происходит в моей жизни. И тогда я понимаю, что даже финансовые трудности не препятствуют мне при всей моей незначительности внести свой вклад в победу Христа в этом мире. Спасибо, потому что я понял: не отдать Христу всего равнозначно не дать ничего. Размер взноса небольшой, но я обещаю увеличить его при первой же возможности».

Это суждение об Общем фонде определяет градацию важности ответов на разнообразные обращенные к нам просьбы. Общий фонд Братства должен стоять на первом месте, поскольку это важный воспитательный момент, заставляющий тебя задуматься, почему ты это делаешь, затем идут конкретные нужды нашей общины и затем – нужды, которые Бог посылает нам на пути как вызов и на которые каждый отвечает по собственному разумению.

Это глубоко личный жест, его единственный смысл в том, что он является знаком свободы «я» в действии: человек может внести какой-нибудь взнос или просто жертвовать свою боль из-за того, что он не может платить такие взносы, как ему хотелось бы.

Из других свидетельств не могу не упомянуть письмо подруги, которая получила помощь от Братства (она одна из многих, кого мы поддерживаем). «Я была очень поражена, когда вы спросили, что у нас нового, нужна ли нам еще, как раньше, материальная помощь. Мысль о том, что вы помните о нас, молитесь о нас, интересуетесь нашим путем, – это поистине великий знак нежности, заботы Христа обо мне. Благодарю вас от всего сердца и хочу сказать, что множество раз в течение этих лет Господь призывал на наши нужды, прежде всего, через лица, руки, время друзей из Братства и что путь нашей жизни таинственным образом распутывается и наполняется спокойствием, и на этом пути я каждый день учусь доверять и препоручать себя Ему».

Журнал «След» – это помощь в формировании суждения о фактах и это единственный инструмент подобного рода помимо официального сайта Движения, за который мы чувствуем ответственность. Также обращая ваше внимание на недавно обновленный сайт «Тгассе».

Все богатство, которое представляют собой другие люди и инструменты, есть плод их свободы и их стараний, и эти старания будут более плодотворными и полезными для всех в той мере, в какой в них сохраняется живой опыт, из-за которого человек в самом начале сдвинулся с мертвой точки.

В завершение прочитаю телеграмму, которую мы послали Бенедикту XVI: «Святейший Отец, 26 000 членов Братства “Общение и Освобождение”, собравшиеся в Римини на ежегодные Духовные упражнения, завершают их раньше обычного срока и направляются в Рим, чтобы присоединиться к Вашему Святейшеству, поскольку Вы пожелали указать всем крещеным и всему миру блаженного Иоанна Павла II как пример того, что может сотворить Христос, когда человек позволяет Ему привлечь себя. В течение этих дней мы углубили осознание, что “кто во Христе, тот новая тварь” и что Христос действительно помогает человеку на пути в его отношениях с вещами и людьми. Мы вновь пережили на опыте, что встреча с Христом воскресшим пробуждает и укрепляет исходное чувство нашей зависимости от Тайны и исходное ядро наших изначальных очевидностей и потребностей в истине, справедливости, счастье, любви, которые отец Джуссани называет “религиозным чувством”. Пребывая в изумлении перед знаками пробуждения человечности, замечаемыми в самих себе и в наших друзьях, мы еще больше уверились, что христианское событие спасает человечность от последствий неразумного отношения к основополагающим вопросам сердца. Прекрасно осознавая огромный долг признательности нашего Братства перед Иоанном Павлом II, мы начинаем паломничество в Рим, и Вы, как скала, воздвигающаяся над миром, являетесь гарантом надежности нашего пути веры, и мы уверены, что можем на Вас положиться».

СВЯТАЯ МЕССА

(Деян 2, 42-47; Пс 117 2-4, 13-15, 22-24; 1Петр 1,3-9; Ин 20,19-31)

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ХАВЬЕРА ПРАДЕСА

Во второе воскресенье Пасхального времени Церковь празднует Торжество Божественного Милосердия. Установление этого праздника – еще один повод для благодарности будущему блаженному Иоанну Павлу II.

Только что мы вместе повторяли слова 117 Псалма: «Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его». Чтобы уловить трепет, ощущение реальности, которую псалмопевец выразил словами: «Возблагодарим Бога, ибо Он благ, ибо милость Его вовек», мы должны хоть на мгновение прислушаться, как глубока наша потребность в этом «вовек» в каждом измерении нашего бытия, но прежде всего в сфере привязанности. Никакое близкое отношение не сможет заполнить сердце, если внутри этого

отношения не было или нет этого «вовек»: любить «вовек», быть любимыми «вовек». Сердце может дышать, только если оно само живет этим измерением. Но мы не можем не признать, что часто думаем: «Сможет ли этот человек и дальше любить меня после того, что я ему причинил?». Или: «Смогу ли я снова полюбить его после того, что он мне причинил?». И это происходит в отношении с друзьями, с коллегами по работе, в отношении между мужем и женой, между родителями и детьми. Испытывая эту структурную потребность любви «вовек», мы обнаруживаем, что из-за хрупкости нашей привязанности осуществление этой потребности кажется недостижимым.

Лишь тот, кто улавливает величину напряжения между этими двумя полюсами, может понять, с каким сознанием святой Петр произнес сегодня: «Благословен Бог, по великой Своей милости возродивший нас». Он использует очень сильное слово – «возродил», родил заново, так что мы прямо сейчас можем ощутить, что возродились, даже тот, кто был мертв, то есть был циником, был скептиком. «По великой Своей милости возродивший нас». Великое милосердие Бога делает возможным для нас опыт любви «вовек». Слова Петра очень похожи на слова Павла о «новой твари».

Отец Джуссани много раз говорил, что слово «милосердие» вообще-то нужно убрать из словаря, поскольку своими силами человек не может наполнить его смыслом. Тот, кто познал милосердие, тот возрожден, тот, говоря экзистенциальным языком, извлечен из небытия, чтобы возродиться. А признак этого милосердия в действии, признак этого возрождения ясно указывает нам сегодняшняя Литургия, в которой несколько раз повторяются слова «неизреченная радость», как сказал сам Петр, как говорят Деяния Апостолов и евангелист Иоанн. Все сегодняшние чтения единодушно говорят об этой радости, отличительном признаке, отличительной особенности человека, переживающего опыт милосердия. Мы прекрасно видим это в нашей жизни, потому что мы испытывали радость всякий раз, когда перед нами раскрывались эти возрождающие объятия. Не будем терять из виду людей, чьи лица отражают эту неизреченную радость. Она настолько исключительна, что, видя ее, человек прилепляется к ней и идет следом за людьми, которые ее испытывают, которые о ней свидетельствуют, – мы их знаем, они живут среди нас: это те, вслед за кем мы, пусть все еще оставаясь беднягами, можем повторить с той интонацией, которой мы с годами научились: «Господь – сила моя и песнь».

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ

Дорогие друзья,

я с любовью соединяюсь с вами в молитве по случаю ежегодных Духовных упражнений Братства, чтобы обновить узы нашего общения.

«Быть во Христе», к чему постоянно призывает нас святой Павел, в первую очередь, через свое личное свидетельство, – вот лучшее определение христианской жизни. Действительно, христианин, невзирая на свои ограничения и хрупкость, переживает каждое действие как призыв к присутствию Господа Иисуса, выражаемый всем умом, всем сердцем, всеми силами. Этому же учит нас прекрасная молитва нашей традиции, в которой мы просим Господа, чтобы Он вдохновлял всякое наше действие и сопровождал его Своей помощью, чтобы дело, в Нем начатое, в Нем было завершено.

Привлекательность харизмы монсеньора Джуссани заключается именно в том, что она возвещает мужчинам и женщинам всех времен, что в победе Христа Воскресшего совершается изменение жизни. Благодаря этому изменению отношение с Богом, с другими людьми и с самим собой обновляется, наполняется смиренным мужеством и открывается навстречу всей реальности.

Как часто повторяет нам Бенедикт XVI, быть свидетелями этого головокружительного положения человека – одновременно большая радость и серьезная ответственность. Как в связи с предстоящей беатификацией Иоанна Павла II мы можем не признать, что быть свидетелем – привлекательная задача?

Благословляю вас всех.

*кардинал Анджело Скола
Патриарх Венеции*

Дорогой отец Хулиан,

в преддверии беатификации Слуги Божьего Иоанна Павла II приветствую всех друзей из Братства «Общение и Освобождение», собравшихся в Римини на Духовные упражнения. Как мы радовались, когда отец Джуссани с энтузиазмом говорил нам об избрании Папой кардинала Кароля Войтылы, и как мы утвердились в харизме, когда с несравненной уверенностью Папа сказал: «Христос, центр космоса и истории». Его

беатификация убеждает нас, что во встрече с Христом жизнь человека и сегодня может достичь полной реализации.

Христос спасает религиозное чувство. Я пишу вам, чтобы поблагодарить за путь, по которому Господь ныне ведет Движение, постоянно показывая нам привлекательность современности Христа и призывая к работе нашу свободу. Посылаю вам сердечный привет и молюсь за вас Божией Матери Апаресидской.

*монсеньор Филиппо Санторо
епископ Петрополиса*

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

*Его Святейшеству
Бенедикту XVI*

Святейший Отец, 26 000 членов Братства «Общение и Освобождение», собравшиеся в Римини на ежегодные Духовные упражнения, завершают их раньше обычного срока и направляются в Рим, чтобы присоединиться к Вашему Святейшеству, поскольку Вы пожелали указать всем крещеным и всему миру блаженного Иоанна Павла II как пример того, что может сотворить Христос, когда человек позволяет Ему привлечь себя.

В течение этих дней мы углубили осознание, что «кто во Христе, тот новая тварь» и что Христос действительно помогает человеку на пути в его отношениях с вещами и людьми. Мы вновь пережили на опыте, что встреча с Христом воскресшим пробуждает и укрепляет исходное чувство нашей зависимости от Тайны и исходное ядро наших изначальных очевидностей и потребностей в истине, справедливости, счастье, любви, которые отец Джуссани называет «религиозным чувством». Пребывая в изумлении перед знаками пробуждения человечности, замечаемыми в самих себе и в наших друзьях, мы еще больше уверились, что христианское событие спасает человечность от последствий неразумного отношения к основополагающим вопросам сердца.

Прекрасно осознавая огромный долг признательности нашего Братства перед Иоанном Павлом II, мы начинаем паломничество в Рим, и Вы, как скала, воздвигающаяся над миром, являетесь гарантом надежности нашего пути веры, и мы уверены, что можем на Вас положиться.

свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству
Кардиналу Тарчизио Бертоне
Государственному секретарю Святого Престола*

26 000 членов Братства «Общение и Освобождение», собравшиеся в Римини на ежегодные Духовные упражнения на тему «Кто во Христе, тот новая тварь», благодарят за приветственное послание от имени Святейшего Отца. Мы заканчиваем реколлекции раньше обычного срока и направляемся в Рим, чтобы вместе с Бенедиктом XVI и Вселенской Цер-

ковью возблагодарить Бога, который в лице блаженного Иоанна Павла II дал нам подлинного свидетеля единственного Спасителя мира, Христа. С сыновней преданностью,

свящ. Хулиан Каррон

Его Высокопреосвященству

Кардиналу Анджело Баньяско

Президенту Конференции епископов Италии

Ваше Высокопреосвященство, 26 000 членов Братства «Общение и Освобождение», собравшиеся в Римини на ежегодные Духовные упражнения на тему «Кто во Христе, тот новая тварь», закончили реколлекции раньше срока, чтобы в Риме присоединиться к Бенедикту XVI, который решил указать всему миру Иоанна Павла II как пример того, что может совершить Христос, если человек позволяет Ему привлечь себя. Верные харизме отца Джуссани, мы продолжаем свидетельствовать о новизне жизни, которая расцветает в нас и среди нас благодаря Христу ради блага всего народа Италии.

свящ. Хулиан Каррон

Его Высокопреосвященству

Кардиналу Станиславу Рылко

Президенту Папского Совета по делам мирян

Ваше Высокопреосвященство, 26 000 членов Братства «Общение и Освобождение», собравшиеся в Римини на ежегодные Духовные упражнения на тему «Кто во Христе, тот новая тварь», завершают их раньше обычного срока и отправляются в Рим, чтобы присоединиться к тысячам других членов Движения и ко всей Церкви в день, когда Бенедикт XVI причислит к лику блаженных нашего великого Папу Иоанна Павла II, который признал, что наше Братство есть путь каждого из нас к святости. Верные харизме отца Джуссани и миссионерскому поручению Иоанна Павла II: «Идите по всему свету и несите истину, красоту и мир, которые можно встретить во Христе Исккупителе», мы просим Матерь Божию Ченстоховскую хранить Вас в служении Петру ради блага всех верных мирян.

свящ. Хулиан Каррон

*Его Преосвященству
Монсьёру Филиппо Санторо
Епископу Петрополиса*

Ваше Преосвященство, твои слова утверждают нас в осознании долга всего Движения перед новопрославленным блаженным и помогают нам глубже осознать ответственность за свидетельство перед всем миром о том, что «кто во Христе, тот новая тварь», обновляя верность миссионерскому поручению Иоанна Павла II в 1984 году, которое отец Джуссани назвал задачей нашей компании и на которое ты ответил одним из первых, отправившись в Бразилию. Проси у Божией Матери Апаресидской, чтобы мы шли по пути святости и все больше уподоблялись Христу, настигшему нас через харизму отца Джуссани.

свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству
Кардиналу Станиславу Дзивизиу
Архиепископу Кракова*

Ваше Высокопреосвященство, 26 000 членов Братства «Общение и Освобождение», собравшиеся в Римини на ежегодные Духовные упражнения на тему «Кто во Христе, тот новая тварь», решили закончить реколлекции раньше обычного срока и ночью вместе с тысячами других членов Движения отправиться в Рим на беатификацию нашего дорогого Иоанна Павла II, исполина веры, наполненной любовью ко Христу. Он признал наше Братство, и на нас лежит огромный долг признательности перед ним. Зная, какой тесной была связь Папы с отцом Джуссани и Движением «Общение и Освобождение», основанная на созвучии взгляда веры на всю реальность, на страстной любви ко Христу, «центру космоса и истории», мы просим Вас ходатайствовать о каждом из нас перед новопрославленным блаженным. В свою очередь мы просим Иоанна Павла II быть Вам крепкой защитой.

свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству
Кардиналу Анджело Сколе
Патриарху Венеции*

Дорогой Анджело, твои слова помогли нам глубже осознать, какое значение для нашей жизни имеют слова святого Павла «Кто во Христе, тот новая тварь». Действительно, Христос – это то, что происходит с нами сейчас, это новизна, превосходящая по силе нашу ограниченность и хрупкость. С благодарностью за напоминание, что именно в этом заключается привлекательность харизмы отца Джуссани, мы просим блаженного Иоанна Павла II поддержать тебя в твоём служении свидетеля великого знака воскресения Христа – изменения, которое Христос совершает в жизни того, кто признает Его присутствие. Вверяя Богородице исход пастырского визита Бенедикта XVI в твою епархию, сердечно тебя приветствуем.

свящ. Хулиан Каррон

ПИСЬМО БРАТСТВУ «ОБЩЕНИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ»

Милан, 31 января 2011 г.

Дорогие друзья,
представляю, с каким волнением и энтузиазмом каждый из вас, как и я сам, принял известие о беатификации Иоанна Павла II, назначенной Бенедиктом XVI на 1 мая этого года, праздник Милосердия Божия. И мы тоже воскликнули вместе с Папой: «Мы счастливы!» («Ангелус» 16 января 2011 года).

Мы присоединяемся к радости всей Церкви в благодарности Богу за сокровище, каким была его личность, отличавшее его свидетельство и миссионерская страсть. Много дала его жизнь всем нам! Сколькие, видя его страстную любовь к Христу, человечность, проистекающую из его веры, его заразительный энтузиазм, вновь обрели радость быть христианами! В нем мы сразу распознали человека, на темперамент и интонацию которого накладывала отпечаток вера, и речи и поступки свидетельствовали об избранном Богом методе сообщения Себя: человеческой встрече, делающей веру привлекательной и убедительной.

Все мы прекрасно осознаем значение его понтификата для жизни Церкви и человечества. В особенно сложный момент он отважно, как может только тот, кто опирается лишь на Бога, снова показал всем, что значит быть христианином в наше время, указывая всем основания веры и неустанно распространяя ростки обновления церковной структуры, которым дал жизнь Второй Ватиканский Собор, не поддаваясь никаким пристрастным интерпретациям, попыткам преуменьшить его важность в том или ином смысле. Его вклад в установление мира во всем мире и мирного сосуществования показывает, какое решающее значение имеет для общего блага вера, проживаемая полностью во всех ее измерениях.

Мы знаем, какой тесной с самого начала его понтификата была связь Иоанна Павла II с отцом Джуссани и движением CL, основа которого в созвучии взгляда веры и всей реальности, в страстной любви к Христу, «центру космоса и истории» (*Redemptor hominis*). В своих многочисленных и разнообразных обращениях ко всем движениям, которые он назвал

«весной Духа», поскольку в Церкви харизматическое измерение «единосушно» институциональному, он дал нам ценное учительство, позволяющее понять и углубить нашу харизму. Он обращался несколько раз и к нам напрямую и написал несколько трогательных писем отцу Джуссани в последние годы их жизни, когда их объединило общее испытание – болезнь.

В речи по случаю тридцатилетия движения в 1984 году он сказал нам: «Иисус Христос, Тот, в Ком все сотворено и состоит, является основой объяснения человека и его истории. Смиренно, но настойчиво утверждать, что Христос есть основа и вдохновляющий мотив жизни и работы, сознания и действия, означает прирасти к Нему, чтобы соответствующим образом явить Его победу над миром. Стремление к тому, чтобы содержание веры стало пониманием и педагогикой жизни – это повседневная задача верующего, обязанного выполнять ее повсеместно и в любых условиях, в которых он призван жить. Богатство вашего участия в церковной жизни состоит в методе воспитания в вере, дабы она оказывала влияние на жизнь человека и на историю; [...] Таким образом понимаемый и переживаемый христианский опыт порождает присутствие, которое в любых человеческих обстоятельствах представляет Церковь как место, где *событие* Христа [...] пребывает как полный горизонт истины для человека. Мы веруем во Христа, умершего и воскресшего, во Христа, присутствующего здесь и сейчас, и только Он может изменить и меняет человека и мир, преобразая их» (Рим, 29 сентября 1984 года). Эти слова сохранили свою впечатляющую актуальность!

С особенным и удивительным отеческим отношением Иоанн Павел II заключил в объятия нашу юную историю, канонически признав Братство *Comunione e Liberazione*, *Memores Domini*, Священническое Братство Миссионеров Святого Карло Борromeо, институт Сестер Милосердия Успения как разнообразные плоды харизмы отца Джуссани для блага всей Церкви. Сам Папа дал нам понять важность этого поступка: «Когда какое-либо движение признается Церковью, оно становится избранным инструментом для личного и всегда нового прирастания к тайне Христа» (Кастельгандольфо, 12 сентября 1985 года).

Поэтому, если на ком и лежит огромный долг признательности Иоанну Павлу II, то это мы.

И мы не можем найти лучшего способа проявить нашу признательность,

кроме как продолжать следовать его авторитетному призыву: «Никогда не позволяйте, чтобы в вашем участии поселился “червь” привычки, “рутины”, старости! Постоянно обновляйте открытие привлекшей вас харизмы, и она все с большей силой будет вести вас к служению единственной власти, Христу Господу!» (Кастельгандольфо, 12 сентября 1985 года).

Давайте поэтому все примем участие во встрече 1 мая. В связи с этим Духовные упражнения Братства, ранее запланированные на период с 29 апреля по 1 мая, закончатся вечером в субботу 30 апреля, чтобы с остальными друзьями из движения – школьниками, студентами и взрослыми, которые не приедут в Римини, мы смогли отправиться в паломничество в Рим и вместе с Папой и Церковью возблагодарить Бога, давшего нам такого настоящего свидетеля Христа. Мы хотим сплотиться вокруг Бенедикта XVI, который в своей дальновидности решил показать всему миру блаженного Иоанна Павла II как пример того, что может Христос совершить в человеке, позволяющем Христу захватить себя.

Прося у отца Джуссани и у нового блаженного Иоанна Павла II сопровождать с Небес нашу верность Петру, надежной дамбе нашей веры, и у Богородицы – исполнить в каждом из нас желание святости, ради чего и существует наше Братство, я от всего сердца приветствую вас.

отец Хулиан Каррон

Беатификация Иоанна Павла II

ПРОПОВЕДЬ СВЯТЕЙШЕГО ОТЦА БЕНЕДИКТА XVI

Площадь святого Петра. Воскресенье, 1 мая 2011 года

Дорогие братья и сестры!

Шесть лет назад на этой площади мы совершали погребение Папы Иоанна Павла II. Мы глубоко скорбели, потеряв его, но еще более глубоко было чувство великой благодати, объявшей Рим и весь мир: благодати, которая была в некотором роде плодом всей жизни моего возлюбленного предшественника, и особым образом – свидетельства, данного им через его страдания. Уже тогда мы ощущали благоухание его святости, и народ Божий многообразно выражал ему свое почитание. Именно по этой причине, с должным уважением к каноническим нормам Церкви, я пожелал, чтобы процесс его беатификации шел с разумной поспешностью. И вот желанный день настал. Он наступил быстро, потому что это было угодно Господу: Иоанн Павел II – блаженный!

Я от всего сердца приветствую всех в великом множестве собравшихся в Рим со всего мира для участия в этом радостном событии - кардиналов, патриархов восточных католических Церквей, братьев-епископов и священников, членов официальных делегаций, послов, представителей гражданских властей, мужчин и женщин посвященной жизни и верных мирян – и обращаю это приветствие ко всем, кто присоединится к нам посредством радио и телевидения.

Сегодня Второе воскресенье Пасхи, которое по желанию Блаженного Иоанна Павла II стало именоваться Воскресеньем Божиего Милосердия. Дата сегодняшнего празднования была выбрана, потому что, по провидению Божию, мой предшественник скончался в навечерие этого праздника. Сегодня также первый день мая – месяца, посвященного Марии, и литургическая память святого Иосифа-Труженика. Все эти различные элементы служат обогащению нашей молитвы, помогают нам, продолжающим свое паломничество во времени и пространстве, тогда как на небесах, среди ангелов и святых, это празднование сейчас совершается совершенно иным образом! И все же, Бог един, как един и Христос Господь, который как мост соединяет землю с небом. И мы сами в этот момент больше, чем когда либо, чувствуем себя участниками этой небесной литургии.

«Блаженны невидевшие и уверовавшие» (Ин 20,29). В сегодняшнем Евангелии Иисус провозглашает это блаженство: блаженство веры. Для нас это

особенно важно, потому что мы собрались, чтобы праздновать беатификацию, но в еще большей степени потому, что сегодня блаженным провозглашается Папа, Преемник Петра – тот, кто был призван утверждать своих братьев по вере. Иоанн Павел II – блаженный, потому что у него была вера, сильная, щедрая и апостольская вера. Здесь мы не можем не вспомнить и о другом блаженстве: «Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах» (Мф 16,17). Что наш небесный Отец открыл Симону? То, что Иисус есть Христос, Сын Бога живого. Через эту веру Симон становится Петром, камнем, на котором Иисус строит Свою Церковь. Вечное блаженство Иоанна Павла II, которое Церковь сегодня в ликовании провозглашает, целиком содержится в этих двух речениях Иисуса: «Блажен ты, Симон» и «Блаженны невидевшие и уверовавшие!» Это блаженство веры, которую Иоанн Павел II также принял как дар от Бога Отца для созидания Христовой Церкви.

Наши мысли обращаются к еще одному блаженству, которое появляется в Евангелии прежде всех других. Это блаженство Девы Марии, Матери Искупителя. Святая Елизавета говорит Марии, зачавшей Иисуса: «Блаженна Уверовавшая, потому что совершится сказанное Ей от Господа» (Лк 1,45). Блаженство веры имеет своим примером Марию, и все мы радуемся тому, что беатификация Иоанна Павла II совершается в этот первый день месяца, посвященного Марии, под материнским взором Той, которая своей верой укрепляла веру Апостолов и постоянно поддерживает веру их преемников, в особенности того, кто был призван занять Престол Петра. Мария не появляется в повествованиях о воскресении Христа, однако она присутствует сокровенно и постоянно: она – Мать, которой Иисус поручил каждого из Своих учеников и всю общину. В частности, св. Иоанн и св. Лука рассказывают о сильном, материнском присутствии Марии в текстах, предшествующих сегодняшнему Евангелию и первому чтению. В рассказе о смерти Иисуса Мария появляется у подножия Креста (Ин 19,25), а в начале Деяний Апостолов мы видим ее среди учеников, собравшихся для молитвы в горнице (Деян 1,14).

Сегодняшнее второе чтение также говорит нам о вере. Сам святой Петр, исполненный духовного горения, указывает новокрещеным на причину их надежды и радости. Мне нравится, как в этом отрывке, в начале своего 1 Послания, Петр не призывает, но просто отмечает как факт: «*Вы радуетесь*», и добавляет «*Вы любите* Его, хотя и не видели, вы *верите* в Него, хотя и теперь не видите. И вы *ликуете* невыразимой, чудесной радостью, потому что *достигаете* цели своей веры – своего спасения» (1 Пет 1,6.8-9) (цит. по переводу *Радостная весть* В.Н. Кузнецовой). Все эти глаголы – в индикативе, поскольку новая реальность наступила вместе с

воскресением Христа, реальность, дверь к которой открывает вера. «Это – от Господа», говорит Псалом 117, «и есть дивно в очах наших», очах веры. Дорогие братья и сестры, сегодня наши глаза созерцают в сияющем духовном свете воскресшего Христа возлюбленного и чтимого нами Иоанна Павла II. Сегодня его имя добавляется ко множеству тех, кого он сам провозгласил святыми и блаженными в течение почти двадцати семи лет своего понтификата, тем самым решительно подчеркивая универсальный характер призвания к высотам христианской жизни, к святости, согласно учению соборной Конституции о Церкви *Lumen gentium*. Все мы, как члены Народа Божия – епископы, священники, диаконы, миряне, монахи и монахини – совершаем свое паломничество к небесной отчизне, куда предшествовала нам Дева Мария, неповторимым и совершенным образом связанная с тайной Христа и Церкви. Кароль Войтыла принимал участие во II Ватиканском Соборе, сначала в качестве епископа-помощника, а затем и архиепископа Краковского. Он в полной мере сознавал, что посвятив Марии последнюю главу своей Конституции о Церкви, Собор тем самым провозгласил Матерь Искупителя примером и образом святости для каждого христианина и для всей Церкви. Это было богословское видение, которое Блаженный Иоанн Павел II открыл для себя еще в молодости, и затем сохранял и углублял его на протяжении всей своей жизни. Видение это выражено в библейском образе распятого Христа, у Креста которого стоит Мария, Его Мать. Эта икона из Евангелия от Иоанна (19,25-27) стала частью епископского, а затем и папского герба Кароля Войтылы: золотой крест с буквой «М» в нижнем правом углу и девиз «*Totus tuus*» («Всецело Твой»), взятый из известных слов Святого Людовика Марии Гриньон де Монфора, в которых Кароль Войтыла обрел путеводную звезду своей жизни: «*Totus tutus ego sum et omnia mea tua sunt. Accipio Te in mea omnia. Praebe mihi cor tuum, Maria.* – Я всецело твой, и все мое – твое. Я принимаю тебя как единственное свое достояние. О Мария, дай мне твое сердце» (*Трактат об истинном почитании Пресвятой Девы Марии*, 266).

В своем завещании новопровозглашенный блаженный писал: «Когда 16 октября 1978 года конклав кардиналов избрал Иоанна Павла II, Примас Польши, кардинал Стефан Вышиньский, сказал мне: “Задачей нового Папы Римского будет ввести Церковь в Третье тысячелетие”». И Папа добавил: «Я хочу вновь благодарить Святого Духа за великий дар II Ватиканского Собора, должником которого – вместе со всей Церковью, и особенно со всем епископатом – я себя чувствую. Я убежден, что еще многие поколения будут черпать из сокровищ, которыми одарил нас этот Собор Двадцатого века. Как епископ, который принимал участие в Соборе с пер-

вого дня до последнего, я желаю поручить это великое наследие всем, кто в настоящем и будущем призван осуществлять его решения на практике. Со своей стороны, я благодарю Вечного Пастыря, который даровал мне служить этому великому делу в течение всего моего понтификата». Что это за «дело»? Это то, о чем Иоанн Павел II сказал во время своей первой торжественной Мессы на площади Святого Петра в незабываемых словах: «Не бойтесь! Откройте, распахните двери Христу!» То, о чем вновь избранный Папа просил всех, он сам делал первым: он открыл для Христа общество, культуру, политические и экономические системы, своей титанической силой – силой, дарованной ему от Бога – вызвав волну перемен, которые стали необратимыми.

Swoim świadectwem wiary, miłości i odwagi apostołskiej, pełnym ludzkiej wrażliwości, ten znakomity syn Narodu polskiego pomógł chrześcijanom na całym świecie, by nie lękali się być chrześcijanami, należeć do Kościoła, głosić Ewangelię. Jednym słowem: pomógł nam nie lękać się prawdy, gdyż prawda jest gwarancją wolności.

[Своим свидетельством веры, любви и апостольского мужества, которые сочетались в нем с огромным человеческим обаянием, этот верный сын Польши помогал верующим по всему миру без страха называть себя христианами, принадлежать к Церкви, говорить о Евангелии. Одним словом: он помог нам не бояться истины, потому что истина – это гарантия свободы.]

Говоря еще более лаконично: он дал нам силу верить в Христа, потому что Христос – это *Redemptor hominis*, Искупитель человека. Такова была тема его первой энциклики, которая красной нитью прошла и через все другие. Взойдя на Престол Петра, Кароль Войтыла принес с собой глубокое понимание различий между марксизмом и христианством, исходящих из различного видения человека. Такова была его весть: человек – это путь Церкви, а Христос – это путь человека. Эта весть является великим наследием II Ватиканского Собора и его «рулевого», Слуги Божия Папы Павла VI. С этой вестью Иоанн Павел II перевел Народ Божий через порог Третьего тысячелетия, который благодаря Христу он мог назвать «порогом надежды». На протяжении долгого пути подготовки к Великому юбилею он вновь направлял христианство в будущее, будущее Бога, которое превосходит пределы истории, но одновременно самым непосредственным образом влияет на него. Он дерзновенно возвращал христианству ту энергию надежды, которая в некотором смысле угасла под натиском марксизма и идеологии прогресса. Он вернул христианству его истинный облик религии надежды, которая должна переживаться в истории в духе «Адвента», в таком личном и общественном существовании, которое направлено

к Христу как полноте человечности и исполнению всех наших чаяний о справедливости и мире.

Наконец, на более личном уровне, я благодарю Бога за дар многолетней совместной работы с блаженным Иоанном Павлом II. Я знал и высоко ценил его и прежде, но в течение тех 23 лет, начиная с 1982 года, когда он призвал меня в Рим стать префектом Конгрегации Вероучения и быть рядом с ним, я почитал его все больше. Мое служение обрело поддержку в его духовной глубине и богатстве его идей. Пример его молитвы неизменно служил мне вдохновением и назиданием: он всегда пребывал в глубоком единстве с Богом, даже посреди своего многотрудного служения. Кроме того, было свидетельство его страдания: Господь постепенно забрал у него все, однако он оставался «скалой», как желал Христос. Его глубокое смирение, укорененное в тесном единстве с Христом, позволило ему продолжать руководить Церковью и нести миру весть, которая становилась тем более красноречивой по мере того, как угасали его телесные силы. Так он исключительным образом переживал призвание каждого священника и епископа: всецело соединиться с Иисусом, которого он ежедневно принимает и приносит в Евхаристии.

Блажен ты, возлюбленный Папа Иоанн Павел II, потому что ты уверовал! Просим тебя, продолжай поддерживать с небес веру Народа Божиего. Сколько раз ты благословлял нас на этой площади из Папского дворца! И сегодня, просим тебя, благослови нас, Святейший Отец! Аминь.

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ

Составитель - Сандро Кьеричи

(Список художественных изображений, которые демонстрируются одновременно с классическими музыкальными произведениями при входе и выходе из залов)

Собор Святого Семейства в Барселоне (архитектор Антони Гауди)

- 1-2 Фасад Рождества
- 3-4 Ангелы трубят весть о рождении Спасителя
- 5 Центральный портал, или портал Любви
- 6 Центральная колонна портала Любви. На ленте, обвивающей колонну, записано родословие Христа; сеть, которой обернута нижняя часть, символизирует грех человека
- 7 Сцены Рождества
- 8 Благовещение
- 9 Портал Надежды, бракосочетание Марии и Иосифа
- 10 Портал Веры, Посещение Елизаветы
- 11 Портал Любви, Ангелы и пастухи созерцают Рождество
- 12-15 Иосиф, Мария и Младенец
- 16-17 Волхвы
- 18-20 Человечество радуется Рождеству Спасителя
- 21-23 Ангел, играющий на арфе без струн
- 24 Ангел, играющий на лютне
- 25-26 Портал Веры, Сретение
- 27 Левый портал, или портал Надежды
- 28 Бегство в Египет
- 29 Избиение младенцев
- 30 Иосиф и отрок Иисус
- 31 Розарии, высеченные наверху ниши
- 32 Правый портал, или портал Веры
- 33 Иосиф и Мария в поисках Иисуса, Иисус за работой в мастерской Иосифа
- 34-35 Отрок Иисус учит в храме
- 36-37 Верхняя часть портала Любви со сценой Увенчания Марии Небесной Славой
- 38-39 Вход в часовню Розария
- 40 Ангел

- 41 Человек, соблазняемый насилием
- 42-43 Изображения змей
- 44 Фасад Страстей, Христос у столба
- 45 Плат Вероники
- 46 Сцены Страстей
- 47 Святой Дух в образе голубя и Вознесение Господне
- 48 Фасад Рождества, декоративный элемент
- 49-54 Детали одного из шпилей
- 55-57 Кипарис (Церковь), в котором укрываются птицы (верные)
- 58-62 Детали шпилей
- 63 На вершине кипариса крест, буква «тау» и голубка
- 64 Чаша в обрамлении виноградных гроздьев
- 65 Гостию в обрамлении колосьев
- 66 Шпили, венчающие здание
- 67-68 Виды интерьера
- 69 Балдахин и распятие в алтаре
- 70-76 Детали внутренних колонн
- 77-81 Детали витражей
- 82-84 Ракурсы интерьера
- 85 Своды, вид снизу
- 86-91 Детали убранства потолка
- 92-93 Купол света над алтарем
- 94 Детали шпилей
- 95-97 Вид с воздуха на строительную площадку Собора Святого Семейства
- 98 Собор Святого Семейства в городском контексте

Содержание

ПОСЛАНИЕ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА БЕНЕДИКТА XVI 3

Пятница 29 апреля, вечер

ВВЕДЕНИЕ 4

СВЯТАЯ МЕССА — ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО 11

Суббота 30 апреля, утро

ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ — «*Вечная тайна нашего бытия*» 12

Суббота 30 апреля, день

ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ — «*Ubi fides, ibi libertas*» 27

СВЯТАЯ МЕССА — ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ХАВЬЕРА ПРАДЕСА 45

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ 47

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ 49

ХУЛИАН КАРРОН, ПИСЬМО БРАТСТВУ «ОБЩЕНИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ» 53

БЕНЕДИКТ XVI, ПРОПОВЕДЬ НА МЕССЕ БЕАТИФИКАЦИИ ИОАННА ПАВЛА II 56

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ 61

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. It emphasizes that every entry, no matter how small, should be recorded to ensure the integrity of the financial data. This includes not only sales and purchases but also expenses, income, and any other financial activities.

The second section focuses on the classification of these transactions. It provides a detailed breakdown of how different types of expenses should be categorized, such as operating expenses, capital expenditures, and non-recurring items. This classification is crucial for preparing accurate financial statements and for tax reporting purposes.

The third part of the document addresses the issue of reconciling the books. It explains the process of comparing the internal records with external statements, such as bank statements, to identify and resolve any discrepancies. This step is essential for ensuring that the financial records are balanced and accurate.

Finally, the document concludes with a summary of the key principles of bookkeeping. It reiterates the importance of consistency, accuracy, and transparency in all financial reporting. It also provides some practical tips for maintaining organized and up-to-date records, such as using standardized formats and keeping backups of all data.